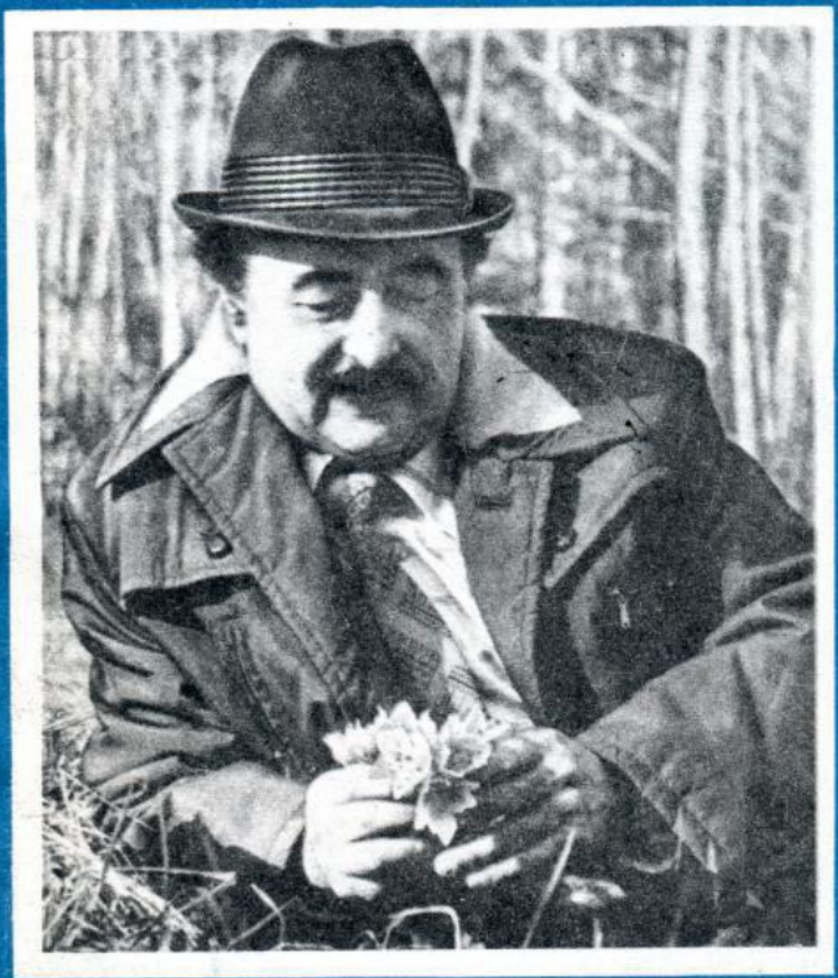
Л. Гладышева



КАВАЛЕР ОРДЕНА УЛЫБКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть об известном курганском хирурге, лауреате Ленинской премии, Герое Социалистического Труда, профессоре Г. А. Илизарове, удостоенном ордена Улыбки Польской Народной Республики.

- Кавалер ордена Улыбки
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ПРОФЕССОР С ОРДЕНОМ УЛЫБКИ
  - ЭВРИКА!
  - ДИССЕРТАЦИЯ
  - К ТАЙНАМ АППАРАТА ИЛИЗАРОВА
  - «СОБАКА-ВЕРБЛЮД»
  - ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ
  - ПИСЬМА ДОКТОРУ ИЛИЗАРОВУ
  - …И СЛЫШЕН ЗОВ ТРУБЫ
  - ШКОЛА ИЛИЗАРОВА
  - БРУМЕЛЬ БЕРЕТ НОВУЮ ВЫСОТУ
  - У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ
  - КУРГАНСКИЙ ХИРУРГ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН МИЛАНА
  - КАРЛО МАУРИ УЕЗЖАЕТ КУРГАНЦЕМ
  - АПРЕЛЬСКОЕ УТРО
  - И СНОВА — БОЙ
  - БУДЕТ СОЛНЕЧНЫЙ, СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Луиза Гладышева

КАВАЛЕР ОРДЕНА УЛЫБКИ

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

ОТ АВТОРА

О счастливом человеке докторе Илизарове

За Уралом, в городе Кургане, живет доктор Гавриил Абрамович Илизаров. Он очень счастливый человек, потому что работа его приносит выздоровление и счастье больным людям.

Гавриилу Абрамовичу не было тридцати лет, когда он изобрел аппарат для сращения сломанных костей и разработал методику лечения сложных заболеваний, из-за которых люди часто оставались инвалидами.

Доктор Илизаров счастлив еще потому, что его открытие позволило нашей советской ортопедии и травматологии занять ведущее положение в мировой хирургии. Новые методы лечения в самой консервативной и считавшейся неперспективной области хирургии были настолько необычными, что в них не могли сразу поверить, и они утверждались в нелегкой борьбе со старыми, устоявшимися взглядами.

Но еще большие перспективы открываются перед учеными и практическими врачами сейчас, когда курганские исследователи и экспериментаторы доказали возможность управлять формообразовательными процессами восстановления костной и мягких тканей.

Скажите, разве это не фантастика, если к доктору Илизарову обращаются с просьбой «сделать рост по заказу», «вырастить» руку или ногу, избавиться от горба?

Сейчас Гавриилу Абрамовичу шестьдесят лет. В день юбилея за выдающиеся успехи в развитии медицины ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Больше тысячи поздравительных телеграмм получил он 16 июня 1981 года и был счастлив самой высокой мерой человеческого счастья.

О том, какое это счастье, мне и хочется рассказать тебе, юный читатель. Коллеги, ученики и друзья Гавриила Абрамовича, бывшие его пациенты и настоящие старались помочь мне в этом. Но даже все вместе мы не смогли создать полный портрет Илизарова: так сложен и по-человечески богат его характер.

Если ты возьмешь из жизни этого замечательного человека хоть что-нибудь — убежденность или устремленность, душевность или трудолюбие, самоотверженность или неустанный поиск, — ты много полезного и доброго сделаешь для людей и тоже будешь счастлив.

ПРОФЕССОР С ОРДЕНОМ УЛЫБКИ

вопреки ветрам и бурям обещает быть веселым и дарить радость другим

В Москве стоял стылый ноябрьский день — без снега, без солнца, с пронзительным ветром. Илизаров прилетел из Кургана ранним утренним рейсом и, как обычно устроившись в гостинице «Москва», с удивлением обнаружил, что не знает, чем заняться до назначенной на два часа встречи в Центральном детском театре.

Все последнее время работы было очень много, он задерживался в институте, уезжал домой поздно и до рассвета засиживался в своем кабинете. Его молодые помощники тоже не высыпались, ходили с покрасневшими от бессонницы глазами и отчаянно пили кофе.

Когда он замечал это, ему становилось жаль их, и он старался выпроводить помощников домой, к женам и детям, чтобы не чувствовать перед ними вины за свою неукротимую страсть к работе. Но, жалея их, он вдруг ловил себя на мысли, что ведь и ему приходится несладко. От этого портилось настроение. Так было и накануне отлета, когда срочно потребовались тезисы готовящейся научно-практической конференции, перспективный план научных исследований, документация по строящемуся новому комплексу института.

Будь рабочий день, он сразу бросился бы в министерство: нерешенных дел накопилось множество. А сейчас его томило вынужденное безделье и ожидание предстоящей необычной церемонии в Центральном детском театре.

Известие о награждении его польским орденом Улыбки пришло еще весной. Курганский доктор Илизаров стал вторым в Советском Союзе, после известного актера-кукольника Сергея Образцова, кавалером единственного в мире ордена, которым награждают дети своих взрослых друзей. Необычна и история награды.

Это было в 1967 году. В гости к маленьким пациентам детского санатория под Варшавой приехали писатели. Дети спорили о любимых героях книг и телевизионных передач, рассказывали всякие интересные истории, которые придумывали сами, и смеялись над своими выдумками. А один мальчик все время молчал.

— Хорошо бы, — вдруг сказал он, — придумать такую награду, которой дети могли бы награждать взрослых.

— Мы сами будем награждать! — обрадовались ребята и зашумели, заспорили.

— Какая же это будет награда? — удивились гости.

— Это будет орден Улыбки! — торжественно и мечтательно произнес мальчик и засмеялся от радости, что сказал вслух то, о чем долго думал и не решался сказать.

Сам он был болен неизлечимо, но, как все дети, не понимал этого и верил, что скоро поправится — проснется однажды утром совсем здоровым. Он очень ждал этого утра и просыпался всех раньше в санатории и, чтобы не сердились нянечки, тихо лежал с закрытыми глазами и мечтал.

О встрече в детском санатории и предложении мальчика писатели рассказали читателям варшавской вечерней газеты. Редакция получила огромное количество писем от детей и взрослых с просьбами поддержать мальчика. Вскоре был объявлен конкурс на проект ордена Улыбки.

Из сорока четырех тысяч присланных рисунков жюри выбрало рисунок девятилетней Эвы Хробак — смеющееся солнышко на голубом эмалевом кружочке. Вместе с рисунками дети прислали предложения о первых кандидатах на новый орден. Установилась традиция объявлять его кавалеров в первый день весны и последний день осени.

Среди детей, которые лечились и лечатся в Кургане у доктора Илизарова, есть мальчики и девочки из разных стран. В польской печати не раз рассказывалось о советском докторе, возвращающем здоровье и радостное детство. И вот по предложению маленьких пациентов курганского института международное жюри в Варшаве присудило в марте 1978 года Гавриилу Абрамовичу орден Улыбки.

В этом же году осенью кавалерами замечательного ордена стали еще два советских друга детей — поэт Сергей Михалков и художница Стасе Самулявичиене. Всем троим должны были вручать награды в Центральном детском театре. На это торжество и прилетел в столицу доктор Илизаров. Всегда спокойный, сосредоточенный, он заметно волнуется: церемониал предстоит необычный.

От гостиницы «Москва» до театра — рукой подать: пройти подземным переходом через проспект Маркса на Пушкинскую площадь и вот он, театр. Уже шумит, перекатывается легким прибоем по фойе милый детский гомон.

По широкой беломраморной лестнице поднимаются пионеры и школьники столицы, их родители, учителя, вожатые. Море света, цветов, улыбок, ребячьего нетерпенья. Михалкова знают все — взрослые и дети, его окружают сразу. Но где доктор

Илизаров? Какой он?

Люди ищут сложившийся в их воображении привычный образ человека в белом халате и докторской шапочке. А Илизаров незаметен среди множества нарядных и радостных людей, стоит в стороне, не привлекая к себе особого внимания, будто учитель или чей-то отец, пришедший с дочкой или сыном на спектакль. Скромный серый костюм, внимательный взгляд добрых глаз, улыбка в пышных кавказских усах.

— Гавриил Абрамович!

Маленькая женщина с огромным букетом пунцовых роз быстро пересекает зал. Рядом с ней девушка, тоненькая стройная тростиночка. Женщина протягивает обе руки навстречу шагнувшему доктору, розы падают под ноги, и никто не бросается поднять их. Становится вдруг тихо, тихо. Женщина плачет.

— Спасибо вам, за дочку спасибо.

Илизаров взволнован тоже. Как, каким образом узнают бывшие пациенты о его приезде в тот или иной город, он не знает. Но они приходят всегда, где бы он ни был, и нет для него большей радости, чем такие встречи — через год, через два, через десять лет… Он помнит их всех и сразу, как и положено доктору, беспокоится:

— Покажитесь-ка. Так, так, хорошо. Ну-ка, пройдите.

Девушка в модной джинсовой юбке, в сапожках на высоких каблуках идет чуть впереди, и даже он, ее лечащий доктор, опытным своим глазом не замечает в ее походке ничего, что бы напоминало о прошлой болезни. Девушка оглядывается, смотрит на доктора, на улыбающуюся, счастливую мать.

— Довольны?

— Довольны, довольны! Молодец!

Звонит звонок. Поток детей и взрослых устремляется в зрительный зал. С третьим звонком в зале воцаряется тишина, и на сцену выходят председатель и члены Капитула ордена Улыбки — представители общественности Польши, юный герольд и девочка с подносом в руках. На подносе — орден, роза и удостоверение о награждении. Начинается торжественный церемониал.

Герольд в белом шелковом костюме с золотыми позументами трижды ударяет о пол древком копья, вместо наконечника у которого веселое солнышко.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте!

— Прибыл ли сюда доктор Илизаров из Кургана? — спрашивает председатель Капитула.

— Прибыл! — отвечает из зала Гавриил Абрамович.

Звучат фанфары. Зрители не жалеют ладоней, и под гром

аплодисментов дети провожают героя торжества на сцену, и зал снова затихает.

— От имени детей Польши и других стран, — торжественно произносит председатель, — Капитул ордена Улыбки решил удостоить вас самой солнечной награды. Посвящаю вас, доктор Илизаров, в кавалеры ордена Улыбки, — продолжает председатель и прикасается красной розой к левому плечу посвящаемого, — и требую:

— Вопреки ветрам и бурям всегда будьте веселы и дарите радость другим!

— Обещаю всегда быть веселым и дарить радость детям! — клянется доктор Илизаров.

Председатель прикалывает орден и вручает розу, которой только что был посвящен Гавриил Абрамович в кавалеры ордена Улыбки. Девочка — чашница поднимает кубок и обращается к участникам церемониала.

— В чаше лимонный сок, — предупреждает она. — Посмотрим, как выпьет его кавалер ордена Улыбки!

При этих словах у сидящих в зале становится кисло на языке, и по рядам прокатывается сочувственный вздох.

Гавриил Абрамович решительно берет стеклянный кубок с лимонным соком и выпивает, не морщась, а все шире улыбаясь с каждым глотком. И когда ставит пустой кубок, зал смеется вместе с ним и громко аплодирует.

— Слушайте! Слушайте! — снова извещает герольд, и на сцену поднимается замечательная художница-кукольница из Литвы Стасе Самулявичиене и встает рядом с доктором Илизаровым. Церемониал награждения продолжается.

Гавриил Абрамович смотрит в зал на веселых детей. Он хочет представить себя вот таким же, беззаботным и радостным мальчишкой, сидящим в зале прекрасного детского театра и — не может.

Как ни напрягай память, но не припомнить ни одного человека из прилепившегося в горах аула Кусары, кто бывал бы в те двадцатые годы в театре — не знали горцы такого чуда. И он, маленький Гавриил, который пас с отцом отару, тоже не знал.

Он знал и умел другое: натаскать для очага хворост из леса, очистить от камней клочок земли и промотыжить его, сделать домашнюю тяжелую работу. На лето отец поднимается с овцами высоко в горы на альпийские луга, и все заботы большой семьи на старшем — Гаврииле. Ему скоро десять лет, он сам научился писать и читать и надеется, что, может быть, нынче пойдет в школу. Вот опустится с гор отец и скажет:

— Пора тебе, сынок, в школу. Учись, мы как-нибудь

управимся с матерью.

Но отца нет неделю, другую, третью… Наконец он приходит под вечер и гонит впереди себя стадо. Нагулялись овцы, тяжелы их жирные курдюки, а отец устал, худ, болен. У мальчика сжимается сердце, он понимает, что в школу не пойдет снова.

— Сынок! — жесткая рука отца ласково скользит по голове. — Ты уже большой, понимаешь, как трудно нам будет без тебя. Потерпи еще одну зиму, и мы проводим тебя на учебу. Эге, да, знать, ты плачешь?! — удивился отец, заметив, как влажно блеснули глаза Гавриила, и рассердился не на шутку.

— Ты — горец, а горцы, как знаешь, не плачут! А, может, ты у нас девочка? — усмехнулся отец, желая поскорее закончить тягостный разговор.

Мальчик резко выпрямился и, не оказав ни слова, выбежал за дверь.

Мать, молча сидевшая у очага, сказала:

— Горячий парень, настойчивый. Вот увидишь, в школу он пойдет сразу в третий или четвертый класс. Учитель так говорил, да и сами видим.

— Горячий! — никак не может успокоиться отец. — Еще папаху не надевал, а отца дослушать терпенья нет.

— Нет, нет, — качает головой мать, — стыдно ему слабым показаться, вот и убежал. Жизнь его не поломает.

…Учитель взял мальчика в третий класс, а скоро, не дожидаясь конца учебного года, перевел в следующий. Школу Гавриил Абрамович закончил на «отлично» и получил путевку на рабфак медицинского института. Исполнилось то, о чем он мечтал и к чему стремился.

ЭВРИКА!

Гвозди, гипс и детский конструктор

Наверное, вам не раз приходилось слышать греческое слово «травма», что означает повреждение тела человека. Но на все языки мира его можно перевести и как слово «беда», «несчастье».

Со времен Гиппократа медицина достигла небывалого развития. Но основные методы лечения переломов костей и их осложнений веками оставались неизменными.

Все знают: для того, чтобы сломанная кость срослась правильно, необходимо прежде всего, как можно точнее сопоставить друг с другом ее отломки и закрепить их неподвижно. Множество способов придумано для этого. Скрепление с помощью металлических пластин и скобок, болтов и шурупов. Пробовали даже золотой проволокой стягивать отломанные кусочки. Но…

Менялись конструкции приспособлений для лечения переломов, материалы, из которых они делались, а суть, условия для сращения поврежденных костей практически оставались прежними. Сами методы лечения, сопровождаясь потерей крови, повреждением надкостницы, сосудов, питающих кость, становились причиной новых серьезных осложнений и заболеваний. Вбитые в кость гвозди нередко вызывали инфекции и воспаление костного мозга — заболевание тяжелое и опасное. Если, к счастью, кость срасталась и рана заживала, человек вынужден был подвергаться следующей операции, чтобы избавиться от металлических предметов на месте бывшего перелома. Снова страдания, боли, осложнения, новые операции.

Скелетное вытяжение под грузом — классический способ лечения сложных переломов. На долгие месяцы прикован человек к больничной койке, мучается от неудобного положения тела, болезненных ощущений. Нарушаются физиологические условия жизнедеятельности организма. Даже у здоровых людей после экспериментального многодневного постельного покоя не сразу восстанавливаются двигательные функции. Еще Аристотель говорил: «Жизнь требует движения». Вот почему в обязательную программу космонавтов в космосе входят занятия физкультурой, «бегом», хотя и происходят они на одном месте на специальных снарядах.

Попробуйте согнуть свою здоровую руку или ногу и не разгибать некоторое время и уже скоро почувствуете, как они

«немеют». А теперь представьте человека в гипсовом панцире много дней и ночей. Под броней его кожа не дышит, затруднено и нарушено нормальное кровоснабжение, ослабевают мышцы, суставы теряют подвижность…

Впервые гипсовую повязку при переломе применил великий русский врач, отец нашей хирургии Николай Иванович Пирогов. Многих раненых солдат и офицеров во время Крымской войны спас Пирогов от ампутации благодаря применению гипса. Тогда ведь даже самые простейшие переломы и повреждения кости заканчивались тем, что часть поврежденной руки или ноги отнималась, и человек до конца дней своих оставался калекой.

Использование гипсовой повязки, да еще в условиях военных сражений, было достижением отечественной хирургии.

Но, к сожалению, и гипс не способен создать травмированной кости идеальный покой и полную неподвижность: накладывается-то он не на обнаженную кость, а на руку или ногу вместе с мягкими мышечными тканями. Гипсовая повязка высыхает, отек мышечной ткани, сопровождающий перелом, спадает, и между ними образуется зазор — незначительный, незаметный, но для сломанной кости вполне достаточно, чтобы почувствовать свободу и свести на нет старания врачей.

Получив возможность «шевелиться», отломки и осколки вонзаются в мягкие ткани, причиняют боль, мешают быстрому заживлению и правильному срастанию, разрушая рождающиеся молодые костные балочки на стыках перелома.

Тяжелым грузом для больного человека становится его собственная рука или нога, запрятанная в гипсовый футляр. Без помощи костылей такую ногу и не переставишь. И мучительнее всего — неизвестность: как там, под гипсом?

И кроме того — осложнения, болезненный и длительный период долечивания. А результат всех этих способов лечения? Немало людей пожизненно остаются инвалидами.

«Единственная область травматологии, прогресс которой минимален, — это сроки заживления переломов. Они остаются без изменения с прошлого столетия», — вынуждены были признаться ведущие травматологи и ортопеды. В частности, к такому выводу пришел профессор М. О. Фридланд в 1952 году.

Но годом раньше курганский, мало кому известный доктор Илизаров предложил аппарат для лечения переломов, коренным образом отличавшийся от всех ранее существовавших, положивший начало совершенно новому методу лечения.

Что касается сроков заживления, так они резко сократились. Лечение перелома плеча общепринятыми методами, к примеру, занимало раньше от восьми месяцев до года. Аппарат Илизарова

«справляется» с таким переломом за сорок пять дней. Заметно сократились и сроки лечения перелома бедра. Особенно незаменимым оказался аппарат при множественной сложной травме, когда за два с половиной-три месяца наступало полное сращение. Что же это за чудо-аппарат?

Первое сообщение о нем в печати появилось в августе 1952 года. Областная газета «Красный Курган» под заголовком «Новое в лечении переломов костей» сообщала:

> «Больная К. в течение многих лет страдала туберкулезом левого колена. Нога стала для нее не опорой, а бременем, бесполезной тяжестью. Неосторожное прикосновение к ней вызывало боль. Желая избавить больную К. от «пытки гипсом», Илизаров решил применить свой аппарат. Через день после операции больная встала на костыли, а еще через 11 дней рентгеновский снимок показал полное сращение костей. К тому времени больная уже могла ходить на обеих ногах без какой-либо помощи. Нога снова стала ей опорой. Такого медицина не знала.
>
> Сейчас хирург Г. А. Илизаров расширяет сферу применения своего изобретения. Недавно с помощью аппарата им было произведено удлинение конечности. Нога больного удлинилась на 12,5 см».

Чудо? Сенсация?

Гавриил Абрамович не любит, когда его аппарат и методы лечения называют чудотворными.

— Свыше данные, что ли? — недоумевает он и обижается совсем по-детски.

Нет, не в одночасье, не как озарение пришло открытие. Потом, позднее, скорые на перо писатели и журналисты, искренне желая придать образность научной мысли, будут выпытывать у Гавриила Абрамовича:

— Что послужило поводом? Что натолкнуло на идею?

И распишут во всех подробностях, как ехал деревенский врач в дальнее село к больному, сидел в санях и смотрел на хомут и дугу: это вот де хитроумная упряжь и осенила. Другие возьмут за основу колесо телеги, потому что заманчиво похоже устройство аппарата на колесо со спицами. А третьи вспомнят про туго натянутую тетиву лука со стрелой.

Конечно, тысячу раз видел перед глазами Илизаров и хомут и дугу, и неизвестно, сколько выездил на крестьянских телегах с теми самыми колесами, спеша на помощь больным, и лук с туго натянутой тетивой держал в крепких своих руках. Но главным

было не это.

Была мысль, постоянная, неотвязная, был напряженный поиск верного решения, и вопросы, вопросы…

— Почему раны мягких тканей заживают сравнительно легко и в то же время простой перелом кости может сделать человека инвалидом до конца его дней?

— Может ли кость заживать как рана и, подобно коже, мышцам, регенерировать, т. е. восстанавливать утраченные свойства: пластичность, рост?

— Чем заменить тяжелую гипсовую повязку? Как намертво закрепить совмещенные отломки, не нарушая кровообращения, не повреждая мышечную ткань?

Он сам ставил перед собой вопросы и сам должен был отвечать. Трудно назвать день и час, когда прорастет зерно дремлющей мысля. А может, мысль вовсе и не дремала, а медленно вызревала в познании и опыте жизни?. Сначала на лекциях в студенческой аудитории, над учебниками и трудами ученых, а затем у постели больного, в маленькой операционной сельской больницы, куда был направлен молодой доктор Илизаров с дипломом Крымского медицинского института.

И был труд ума и труд души в поисках ответов на вопросы.

…Шел последний год войны, и молодых специалистов направляли на работу не на фронт, а в тыл. Они рвались на запад.

— Вы думаете в тылу легче? — сердито выговаривал старый профессор обступившим его выпускникам. — Вы даже не понимаете, как вы там необходимы. И вы будете единственными. Единственными, подчеркиваю, докторами на всю округу. Готовьтесь преодолевать трудности.

Кого из них учить преодолевать трудности?! Разве мало хлебнули они лиха вместе? Вывезли институт из-под огня, учились и работали в госпиталях. Может быть, Илизарова учить, который тянул еще мать и младших сестер и брата, у которого из теплой одежды один ватник — в институт, в госпиталь, на разгрузку вагонов.

В этом ватнике и приехал Гавриил Абрамович в Зауралье. От областного центра — маленького, почти сплошь деревянного городка — лежал путь дальше на юг, к началу казахских степей.

— Ох и холодно будет тебе, паря, зимовать, — сочувственно встретил приехавшего доктора председатель сельсовета. — Обличьем-то вроде горец, кавказец… — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Полушубок, шапку теплую тебе справим, а ты лечи, лечи. Болеть людям некогда — война, а лечить надо. — Помолчал, снова заговорил: — Войне-то скоро конец, изждались все, изработались. А для тебя, Гаврила… Как по батюшке-то?

Абрамыч? Так вот, Гаврила Абрамыч, для тебя война не кончится, нет. Я так понимаю: с болезнями ты воевать поставлен. Лечи, значит.

И он стал лечить. От всех болезней подряд. Детей и взрослых. Каждую свободную минуту — в учебники и пособия, привезенные с собой, в книги великих мыслителей, естествоиспытателей, физиологов, медиков, в немногие книги, которые удалось раздобыть в Кургане. С ними хорошо короталось время в томительные зимние ночные дежурства, когда жарко натоплены печи в палатах, спят больные и никто не зовет на помощь торопливым стуком в разукрашенное морозом окно.

Как хорошо ему разговаривать с книгами!

> «Если вы уже научились иметь убеждения и если вы уже имеете убеждения, что деятельность ваша будет полезна, — тогда, никого не спрашиваясь, верьте себе, и труды ваши будут именно тем, чем вы хотите, чтобы они были. Если нет, то ни советы, ни одобрение не помогут. Дело без внутреннего убеждения, выработанного наукой самосознания, все равно что дерево без корня. Оно годится на дрова, но расти не будет».

Так призывал «мыслить у постели больного» великий Пирогов.

Странным образом свяжет их в дальнейшем жизнь. Отец русской хирургии, врач № 1, живший в прошлом веке, станет для начинающего доктора наставником.

Ученик, благодарный учителю за науку, разрушит гипсовую повязку, предложенную им и служившую честно медицине сотню лет как единственное спасательное средство при переломах. Но, разрушив старое, предложит новое. А предложив, будет бороться за осуществление идеи настойчиво и убежденно, как призывал тот же учитель.

Гениальное нередко оказывается удивительно простым. И до Ньютона падали яблоки с деревьев, и падение их видели ученые. Но оставляли без внимания, не пытаясь объяснить, почему яблоки падают не в сторону, а прямо вниз к земле. И только Ньютон доказал, что движение падающего яблока, как и всех тел в природе, подчиняется закону всемирного тяготения. А кажется так просто: падает яблоко…

Аппарат Илизарова… Тоже просто, но никто же до этого не додумался раньше! Схематично первый аппарат выглядел так: металлические кольца-дуги, соединенные стержнями с перекрещивающимися в центре стальными спицами. Спицы «прошивают» отломки сломанной кости выше и ниже перелома,

намертво закрепляя их в аппарате — вот в чем секрет.

Аппараты и различные приспособления были и до Илизарова. Но лишь его конструкция дала то, что не могли дать никакие другие до него. А именно:

— полное сопоставление отломков;

— высокую прочность фиксации;

— максимальное кровоснабжение поврежденной кости и конечности;

— сохранение опорной и двигательной функции поврежденной конечности, а также возможность больному ходить и обслуживать себя с первых дней лечения.

Это и стало ключом к тому открытию, которое произвело революцию в отечественной и мировой ортопедии и травматологии: открывались неизвестные закономерности сращивания костей и костеобразования. То, что всегда считалось невозможным, вдруг становилось возможным.

Сегодня мы говорим об открытии курганского ученого, как о системе методов чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза.

От аппарата-«прародителя», предложенного тридцать лет назад, остался только общий принцип.

Гавриил Абрамович для образности сравнивает свое изобретение с детским конструктором — есть такие замечательные игры для ребят. Лежат в коробке разные железки, крепления, угольнички, колесики. Хочешь — машину из них собери, хочешь — самолет или пароход. Можешь даже собственной конструкции соорудить что-нибудь необыкновенное.

В аппарате доктора Илизарова около тридцати различных деталей — кольца, стержни, гайки, угольники, короткие и длинные пластинки с дырочками, называемые флажками.

При хорошей фантазии из детского конструктора можно собрать множество различных интересных игрушек. Так и с аппаратом Илизарова. Вроде бы те же самые детали, а модификации и назначение аппаратов разные в зависимости от характера заболевания.

Фантазеры в Кургане действительно великие: придумали больше четырехсот методик и, наверное, еще придумают. Потому что ученые — медики и врачи — не перестают думать о том, как помочь больному человеку преодолеть недуг.

ДИССЕРТАЦИЯ

означала революцию в травматологии и ортопедии

В последний сентябрьский день 1968 года почти все центральные газеты обошло информационное сообщение ТАСС о необычной защите диссертации на звание кандидата медицинских наук, состоявшейся в Пермском медицинском институте. Члены Ученого совета двадцатью восемью голосами из тридцати проголосовали за то, чтобы присвоить диссертанту сразу ученую степень доктора медицинских наук. Им был хирург из Кургана, руководитель недавно созданной лаборатории Гавриил Абрамович Илизаров.

Диссертация называлась «Лечение переломов и повреждений крупных суставов, костей с применением специального аппарата, сконструированного автором». Все в ней — от первого слова до последнего, каждый вывод и каждое положение — все выношенное и выстраданное курганским хирургом и проверенное семнадцатью годами его практики. Изобретение стало детищем его мысли и трудов, не частью жизни, а его жизнью, в которой не оставалось места и времени ни для чего другого.

В борьбе не бывает удач без разочарований, побед без потерь. Сопровождали они и Гавриила Абрамовича, не оставляют и сейчас в достигнутом всеобщем признании и заслуженной славе. Но жизнь есть жизнь, она сложна и противоречива. И люди, даже служа одному делу, остаются людьми разными — честные, самоотверженные, завистливые, добрые, черствые, бескорыстные…

История знает немало примеров, когда гениальные открытия, новейшие достижения науки и техники, прежде чем получить признание и право на существование, переживали судьбу нелегкую и драматическую. Илизаров взялся за самую сложную область травматологии и ортопедии — проблему остеосинтеза. И не будь у Гавриила Абрамовича сильной воли, деятельного и принципиального характера, как знать, что случилось бы дальше с судьбой его открытия. Уступил бы крупному авторитету, промолчал бы там, где спор выходит «себе дороже», махнул бы безнадежно на все рукой да и зажил спокойно.

Именно этого покоя многие и хотели от него. Те, кто придерживался традиционных способов лечения переломов, — ничего, что с большими издержками, выше себя, как говорится, не прыгнешь. Жена, которая устала от фанатичной его веры в свое

открытие, от постоянного безденежья, потому что скромная зарплата его уходила на поездки в Москву, на опытные образцы аппаратов. А огульные формулировки, метко рассчитанные на то, чтобы не признавать, не поддерживать, дискредитировать: «Слесарный подход к медицине», «Шарлатанство», «Чудак» и подобные нелестные выражения, далекие от честной борьбы научных идей! Один наш медицинский журнал пытался доказать, что приоритет в создании аппарата принадлежит… иностранцу.

Сейчас страшно даже подумать, что Илизаров мог бы уступить. Задержись разработка нового метода сращивания сломанных костей хотя бы на несколько лет, и сколько бы людей так и остались инвалидами.

Но доктор Илизаров никогда не был борцом-одиночкой. Его всегда поддерживали и поддерживают партийные и советские органы, хозяйственные организации. Рядом с ним всегда друзья и единомышленники.

Каждый раз, приезжая в Курган, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Геннадий Федорович Сизов бывает в институте, которым руководит Илизаров.

— А помнишь, — смеется Геннадий Федорович, — как появился у меня в кабинете с мешком собачьих костей?

— Да не с мешком, — смеясь, уточняет Илизаров, — с аппаратом, а в нем для наглядности кость.

В полной уверенности, что в областном комитете партии поймут и разберутся, пришел Гавриил Абрамович, не коммунист тогда, на прием к первому секретарю обкома Г. Ф. Сизову.

Геннадий Федорович слушал внимательно, переспрашивал:

— Ну сжали, зафиксировали кость, а дальше?

— А дальше, — у Гавриила Абрамовича перехватывает дыхание, — самое главное: сейчас мы можем сделать все, что необходимо. Срастить кость, удлинить, исправить искривление и вернуть в естественное положение, избавиться от гнойного процесса… И все способом чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза.

— Постой, постой, давай по порядку.

Специалистом в области медицины Сизов не был и не все понял в профессиональных медицинских терминах. Но почувствовал основное: одержимость Илизарова — не бесплодная фантазия, а мужественная партийная позиция в борьбе во имя человека.

Раньше он встречал его как-то мельком, время от времени интересовался ходом дел и поддержал решение перевести Илизарова из Долговской районной больницы в областную, а затем поставить на заведование травматологическим отделением

госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны.

Но они впервые вот так близко сидели против друг друга, и, когда Илизаров замолчал, изложив суть своего изобретения, Сизов, слушавший как-то отрешенно, вдруг посмотрел на него долгим испытующим взглядом и разом увидел проседи в смоляных волосах, безукоризненно ухоженные руки хирурга, воспаленные от частого недосыпания глаза, выутюженный старомодный и, наверняка, единственный костюм…

«Сколько же Илизарову лет? — невольно подумал секретарь обкома. — Должно быть чуть больше тридцати. Молод. Хорошо, что молод, — вся борьба впереди».

Под пристальным и потеплевшим взглядом первого секретаря Илизаров смутился, смешался и стал собирать разложенные на большом полированном столе аппараты, муляжи костей, фотографии. Старинные большие часы в углу просторного кабинета пробили семь часов вечера.

— Извините, я отнял у вас много времени.

— Сколько в отделении госпиталя коек? — остановил его Сизов. — Для широких научных исследований этого мало. Не дело, что больные заполнили все коридоры. Давайте ваши предложения, будем искать выход. Совершенно правы в том, что необходимо дать теоретические обоснования практических результатов. Без теории нет науки. Впрочем, — Геннадий Федорович улыбнулся, — вы это знаете не хуже меня. Дерзайте. Поможем, поддержим, — и он протянул широкую крестьянскую руку, проводил до двери.

Потом еще долго сидел один и думал, как скорее развернуть в Кургане базу для внедрения в практическое здравоохранение предложений начинающего ученого. Нет не только научных кадров, оборудования, даже нет помещения. Первые сотни людей при помощи аппарата Илизарова обрели здоровье. А сколько нуждается?! Печать начинает говорить в полный голос о внимании к изобретению. «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» выступили, остро, проблемно: открытие курганского хирурга является новым направлением в отечественной и мировой ортопедии и травматологии. Министерство здравоохранения и руководство Центрального института травматологии молчат. Почему? Только ли закономерная осторожность не делать поспешных выводов?

Одного ли признания добивался Илизаров, когда докладывал на Ученом совете ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии в Москве) результаты первых четырех лет применения аппарата?

Он хотел скорее двинуть новое дело в широких масштабах.

Но принятая скромная резолюция: «Аппарат Илизарова Г. А. может получить в клинике применение», — не оправдала надежд, с которыми он ехал в Москву на встречу и разговор с ведущими учеными.

Сначала он даже не понял, что руководила многими из них прежде всего боязнь отказаться от собственных устаревших понятий и методов лечения. А когда понял, стало обидно и горько: разве может настоящий ученый, гражданин, поставить личное благополучие выше общественных интересов?

А больные со всех концов страны и из-за рубежа едут и едут в Курган, записываются в очередь на операцию, готовы ждать сколько угодно, только бы отбросить прочь костыли.

И встреча в обкоме и все последние годы до мельчайших подробностей вспомнились Илизарову в ночь перед защитой.

В Пермь он приехал, когда стояла золотая пора затянувшегося бабьего лета. Отлетали уже серебристые паутины, и с Камы тянуло близким холодом.

Снова прочитал текст своего получасового, как и предусмотрено регламентом, выступления и расстроился. Как можно в полчаса уложить семнадцать лет поисков, находок, раздумий? И до самого начала Ученого совета уже не прикасался к машинописным аккуратным листам, словно они стали для него чужими. А когда встал на трибуну и начал говорить — не услышал собственного голоса: волновался, оставаясь внешне спокойным и сдержанным.

— Молодец, собран как в операционной, — шепотом перекинулись между собой доктора медицинских наук из Свердловского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии З. Лубегина и В. Фишкин.

— Помните, — спросила Лубегина, — как Гавриил Абрамович у нас появился?

— Как не помнить…

На прошедшей в Свердловске научной конференции ортопедов и травматологов доклад Илизарова вызвал бурю эмоций необычностью бескровных, щадящих операций и ошеломляющих их результатов. В это невозможно было поверить и в них не поверили. Хуже того, неверие сменилось неприятием и в вопросах сквозило нескрываемое раздражение:

— Какая необходимость заставлять больного ходить па третьи сутки после операции?

— Вы догадываетесь или доказали, что костная ткань имеет способность регенерировать?

— Каковы разумные пределы удлинения конечностей?

На многие вопросы он сам искал ответа и не мог дать полной

научной картины, создаваемых аппаратом оптимальных механических и биологических условий для активного восстановления костной ткани и происходящих в результате процессов. Если бы в Кургане были такие же возможности экспериментальных и лабораторных исследований, кадры ученых!

Успокоиться Илизаров не может и, уехав домой, вскоре снова появляется в Свердловском институте: он решил в эксперименте показать паталогоанатому Владимиру Ивановичу Стецуле новые возможности быстрого сращения перелома. Стецула вызов принял сдержанно:

— Давайте попробуем, посмотрим, что получится.

Илизаров наложил аппараты нескольким больным собакам. Через десять дней пригласил Стецулу снять аппарат у любой из собак. Сломанная нога срослась через десять дней.

Стецула восхищен:

— Поздравляю, коллега, это изумительно… Повторим еще?

У следующих животных аппарат сняли на пятые, шестые и седьмые сутки — сращение полное! Такого результата не ожидал даже Илизаров.

— Вы ничего не перепутали, коллега? — переспрашивал Владимир Иванович.

— Нет, не перепутал.

Стали считать, когда Илизаров приехал в Свердловск, сколько прошло дней после наложения аппаратов.

Как не помнить… В гипсовой повязке сращение не наступило и через две недели.

Сейчас Илизаров защищал диссертацию официально. Его оппоненты — известные в ученом мире имена, доктора медицинских наук Е. Вагнер, А. Фенелонов, Я. Асс, А. Чиненко. Бескомпромиссные и честные, они единодушны в своих оценках:

— Метод Илизарова — ценное научное достижение советской медицины.

— В своей диссертации Илизаров ставит и решает шесть крупных научных задач, каждая из которых в отдельности могла бы явиться темой кандидатской диссертаций.

— Данные диссертации меняют наше представление о многих установившихся понятиях в хирургии.

Кажется, «сказка» приближалась к счастливому концу. Блестящая защита, похвальная оценка авторитетных ученых. Уже три года, как в Кургане работает проблемная лаборатория от Свердловского НИИТО…

Илизаров понимал, что защита его идеи не заканчивается защитой диссертации, и именно это радовало его больше всего. Невелика была бы ей цена, если бы на этом все и кончилось. И он

продолжает защищать свою идею, проверять, развивать, углублять. Ни разу за время, прошедшее после заседания Ученого совета в Пермском медицинском институте в памятный сентябрьский день 1968 года, Гавриилу Абрамовичу Илизарову не пришла в голову естественная мысль: «Хватит. Есть предел всему, и усталости тоже. Разве все эти годы я не защищал свою идею? Разве не защитил?»

Если бы он так спросил себя, то мог с чистой совестью ответить:

— Защитил!

Уже не сотни, а тысячи и десятки тысяч людей, бывших инвалидов и обреченных на инвалидность, стали здоровыми и полноценными людьми. И во многих медицинских учреждениях страны и за рубежом успешно применяется аппарат и методы лечения доктора Илизарова.

Но он продолжал борьбу. Потому что косность преследует цель задержать прогресс, остановить творчество.

Перспективность, большое медицинское, социальное и народнохозяйственное значение составляли и составляют суть и ценность илизаровского открытия. А все, что делается в нашей стране во имя человека, для его здоровья и блага, находит горячую заинтересованность и поддержку в центральных и местных партийных и советских органах.

Гавриилу Абрамовичу и его коллегам были созданы условия для научной работы, для теоретического обоснования и внедрения результатов в практическое здравоохранение. Сначала в Кургане организуется проблемная лаборатория от Свердловского НИИТО, затем филиал Ленинградского института травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена. А в 1971 году Совет Министров РСФСР преобразовал филиал в самостоятельный Курганский научно-исследовательский институт экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии.

Руководителю нового института Г. А. Илизарову и сотрудникам предстояло создать материальную базу института, обеспечить его кадрами и ускоренно расширять научно-исследовательские работы по экспериментально-теоретическому обоснованию и клиническому использованию метода чрескостного остеосинтеза.

Защита диссертации продолжалась.

К ТАЙНАМ АППАРАТА ИЛИЗАРОВА

В Курган за „живой водой“

«…Тимур собрал в Самарканд лекарей со всего света, но так и умер хромым…» — гласит легенда.

Весной 1941 года ученые вскрыли усыпальницу Тамерлана в Самарканде. Останки великого повелителя средневековья лежали в простом деревянном гробу из арчи. Всем бросилось в глаза, что одна нога Тамерлана была короче другой. Так подтвердились многочисленные исторические свидетельства о хромоте грозного завоевателя. Недаром современники называли его «железным хромцом». Несметными богатствами владел Тамерлан, разгромил Золотую Орду, в страхе и ужасе держал покоренные народы, и только не было у него силы избавиться от хромоты.

Когда узбекский журналист рассказал эту историю Гавриилу Абрамовичу, тот улыбнулся.

— Знаете, а мой аппарат вылечил бы его.

Для аппарата Илизарова такая операция, как удлинить ногу, — самая простая. Да не просто удлинить, а сделать по заказу пациента, увеличить до нормальной длины, чтобы мог человек ходить, как все здоровые люди. Своеобразный рекорд поставлен в курганской клинике: на 52 сантиметра удлинили ногу девочке из Таллина.

Предел ли это?

Нет, считает доктор Илизаров и его коллеги. Можно и 60 сантиметров, можно и больше, одним словом, сколько вам надо. Сколько надо…

До недавнего времени хирургия оказывалась бессильной перед укорочением в 14 сантиметров. Традиционными общепринятыми методами лечения ликвидировать такое большое укорочение не удавалось.

История медицины знает не много примеров, когда всего лишь одно научное открытие сделало бы революционный переворот в устоявшихся воззрениях и считавшихся классическими методах лечения, привело к созданию нового научно-практического направления, как это произошло в ортопедии и травматологии, благодаря методу чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза, предложенному курганским доктором.

Девочку из Таллина зовут Галей Смирновой. О своей горестной и в конце концов счастливой судьбе она рассказала в

письме в газету «Правда».

> «…У меня был врожденный вывих бедра, деформация стопы и отсутствовала большеберцовая кость правой ноги. С полутора до семи лет лечилась в Ленинграде. Укорочение ноги достигло 38 сантиметров, коленный и голеностопный суставы стали неподвижными. Врачи предложили ампутировать стопу, чтобы я могла ходить в протезе. Родители не согласились. Решили попробовать в последний раз, хотя надежды уже не было. Мы приехали в Курган…»

И последняя страничка из письма Гали.

> «…Теперь у меня одинаковые по длине ноги (во время лечения Галя продолжала расти, и больную ногу пришлось «подгонять» по росту и удлинить в общей сложности на 52 см), я могу ходить. Благодаря Гавриилу Абрамовичу мне не нужны костыли, протез, хожу с тросточкой, но и ее скоро брошу.
>
> Когда в 1976 году в Кургане была Всесоюзная конференция ортопедов и травматологов, участникам ее показали меня и мои снимки. Один почтенный седой профессор долго изучал их, потрогал ногу и воскликнул: «Не верю! Такого не может быть!»

Согласимся с профессором в одном: действительно, в такое трудно поверить. Но уже десятки тысяч людей, больных, страдающих, отчаявшихся, вновь обрели счастье бытия и радость жизни.

Илизаровский метод (назовем так с полным на то основанием систему аппаратов Гавриила Абрамовича Илизарова и разработанные им и его коллегами методики лечения переломов костей, их последствий и ортопедической патологии) широко раздвинул границы хирургической практики.

Каковы сегодня «специальности» аппарата Илизарова, что он может?

Излечивать тяжелейшее заболевание, врожденные или приобретенные в результате болезни ложные суставы, постоянный спутник которых — инвалидность.

Утолщать кость и моделировать ее форму.

Без трансплантации (пересадки) возмещать недостающие части или большие дефекты костей и мягких тканей, в том числе сосудов и нервов.

Регулировать рост людей — увеличивать или, наоборот,

замедлять его.

«Выращивать» из культи голени не только недостающую ее часть, но также и стопу. При различных дефектах кисти и пальцев — формировать и восстанавливать их. В перспективе, как полагает Г. А. Илизаров, можно рассчитывать на создание функционирующей кисти. Не протез, искусно маскирующий человеческую трагедию, а живая настоящая действующая рука! Фантастика, сказка? А почему бы и нет?

Вспомним детство и бабушкину сказку длинным зимним вечером.

«И полетел ворон за тридевять земель в тридесятое государство и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая. Серый волк спрыснул Ивана-царевича мертвою водою — тело его срослося, спрыснул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!»

Кто из нас в детстве не верил в то, что существует вода живая и мертвая на самом деле? Но немногим посчастливилось пронести эту веру до зрелых лет и осуществить мечту людей, в сказке воплощенную, — добыть чудо — воду живительной силы. Один из них — доктор Илизаров.

Его «живая вода» — неизвестные раньше скрытые огромные возможности костной и окружающих ее мягких тканей, которые при определенных механических и биологических условиях могут расти и принимать заданную, смоделированную заранее форму. Впервые в мировой практике у врача-ортопеда появилась возможность управлять восстановительными и формообразовательными процессами при различных повреждениях и заболеваниях опорно-двигательного аппарата.

Однажды во дворе клиники среди играющих детей я увидела двух карликов. Они были тоже дети, наверное, девяти-десяти лет. Но как резко отличались от нормально развитых, хотя и больных, хотя и на костылях своих сверстников! Непропорциональное сложение тела зрительно увеличивало размеры головы, очень короткие и кривые ручки и ножки казались кукольными. Дети играли, смеялись, веселые чертики прыгали на их озорных мордашках. И только страдальчески застывшими оставались сурово-взрослые лица карликов, улыбки не озаряли их, а судорожно расчеркивали горькими острыми гримасами.

— Ахондропластики, — тихо сказал стоявший рядом молодой врач. — Неизлечимо.

— Неизлечимо и взялись? Что здесь можно сделать?! — невольно вырвалось у меня. И тут же оборвалось, застряло на выдохе следующее, готовое слететь с губ слово: мать карлика, красивая статная дама, смотрела на меня с немым укором. Мне

стало невыносимо стыдно, словно задела ненароком чужую кровоточащую рану и не содрогнулась от боли.

— Contra spem spero, — сказала дама неожиданно мягким грустным голосом, и я подняла голову и посмотрела в глаза ее открыто и восхищенно, повторив вслед за ней латинское изречение: «Без надежды надеюсь…» Человек, пока жив, надеется. И пока надеется — жив.

Прошло с той встречи два года. В ординаторскую детского отделения, где под конец рабочего дня собрались врачи, вошел мальчик.

— Мне можно конфетку, Раиса Ивановна? Смотрите, какая хорошая у меня рука! — мальчик энергично вытянул левую руку в аппарате вперед, затем в сторону и смотрел на врача в ожидании похвалы.

Раиса Ивановна Сакс, синеглазая, с добрым красивым лицом, оторвалась от листов чьей-то пухлой истории болезни.

— Молодец! За такие успехи можно конфетку, — и она засмеялась, ласковым незаметным движением руки провела по голове прильнувшего к ней мальчика, потрогала раздавшиеся плечики: — Не больно? Хорошо, очень хорошо подтягивается и левое плечо, — задержалась на стержнях аппарата, проверила, хорошо ли натянуты спицы, прошившие плечевую кость. Удовлетворенно кивнула мне: «Узнаете?!»

В подросшем улыбчивом мальчугане я с трудом узнала страдальца-карлика. Он не только заметно вырос — с одного метра до метра тридцати пяти сантиметров, — неузнаваемым стало его лицо, с которого исчезла печать боли, страдания, физической неполноценности. Руки, прежде короткие и как бы приросшие вместе с недоразвитыми узкими плечиками к грудной клетке, сейчас были нормальной, соответствующей его возрасту и пропорциям тела длины. Оставалось чуть подрастить левое плечо, правое-то уже вырастили на семь сантиметров всего за два месяца 10 дней.

Это уже не первый, выросший с помощью аппарата Илизарова карлик. Недалеко время, когда страдающие тяжелым недугом люди будут «заказывать» свой рост — средний, выше среднего, высокий — кто какой пожелает. Немаловажно при этом то, что сроки и этапы лечения непродолжительны, исключен и период инвалидности.

Лечат в институте не только карликов. Был случай, когда за помощью обратился… гигант. Двадцатилетний юноша страдал от непомерного роста, с которым не справился его организм, оказавшись не способным обеспечить быстрорастущие кости необходимыми элементами для крепости, от чего они утончались,

становились хрупкими и ломкими. Чтобы приостановить рост, на метафизарные хрящевые пластинки стали воздействовать дозирующими компрессирующими нагрузками. Болезнь отступила. Рост прекратился, улучшился обмен веществ в организме, кости утолщились и окрепли.

В том и другом случае, с карликом и гигантом, применялся один и тот же метод чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза. Карлику помогли дистракционные свойства аппарата — способность равномерно, постепенно растягивать костную ткань, клетки которой заполнялись быстро рождающимися костными балочками. Гиганту, напротив, пришли на помощь компрессионные, то есть сжимающие свойства аппарата.

…Когда улыбающаяся миловидная женщина легко взбежала по ступенькам на сцену конференц-зала и так же легко, словно танцуя, прошлась по ней, сидевшие в зале врачи и ученые — гости со всей страны — приготовились услышать что-нибудь из известных, уже отработанных методик сращивания и удлинения костей. Доктор Илизаров смотрел на пациентку, улыбался в усы и молчал, с особым вниманием наблюдая за ее походкой. И в том, как он смотрел, можно было без труда понять гордость мастера своей работой, любование настоящего художника творением ума, души и рук своих.

Зал понял, уловил необыкновенное состояние и ждал. Женщина поняла это тоже, остановилась у края сцены, оглянулась на Гавриила Абрамовича, ожидая, что он заговорит, расскажет, почему она так легко и радостно ходила сейчас по сцене. Но доктор думал о чем-то и, казалось, не замечал устремленных на него взглядов.

Женщина вдруг решительно шагнула к микрофону и представилась:

— Зинаида Семеновна Жигалова из Дмитровграда Московской области. Со мной случилась большая беда. Работала на стройке. На ноги упала бетонная плита, обе стопы раздавила. Одну в больнице отняли сразу, другую ампутировать я не согласилась.

— Позвольте, но у вас же обе стопы?!

— Обе! — воскликнула женщина и засмеялась. — Обе! И, представьте себе, что я танцую все танцы — и вальс, и современные, работаю в Доме культуры.

Сидевшие в первых рядах бросились к сцене. Те, кому не было видно, встали со своих мест и тоже пробивались поближе, переспрашивали друг у друга.

— Протез?

— Нет, настоящая стопа. Кажется, чуть короче обычной.

— Обувь ортопедическая?

— Обыкновенные туфли на каблуке!

Известна история, рассказанная греческим историком Геродотом, о воине, отрубившем себе прикованную стопу и бежавшем таким образом из плена, а затем до конца жизни ходившем с деревянной ногой. При раскопках близ итальянского города Капуи археологи нашли бронзовую ногу римского легионера, заменившую, вероятно, утраченную им в сражениях.

Вот в какую глубь веков уходит стремление врачевателей создать искусственные руки и ноги. Уже в средние века протезы делали подвижными, соединяя отдельные их части различными сложными шарнирными устройствами и рычагами. Но даже самый искусный аппарат оставался мертвым, лишенным мышц и нервов — собственного источника движения.

В настоящее время ученые создали искусственные мышцы — миниатюрные электромоторчики, управляющие протезами; широко используют биотоки мышц частей тела, к которым прикрепляются искусственные конечности. Но искусственное есть искусственное, а живое — живое.

Редкий мастер по изготовлению протезов делал Зинаиде Семеновне Жигаловой стопу-туфельку из лучших сортов кожи и дерева с хитроумными ремешками-пристежками. Плакала Зинаида Семеновна над той туфелькой, пока пристегивала, а еще больше — когда училась с ее помощью ходить.

Все прочитала в газетах и журналах про доктора Илизарова и, хотя схожую со своей историю не вычитала, все-таки собралась и поехала в Курган: а вдруг?!

Когда доктор Илизаров осмотрел ее изуродованные ноги, он произнес всего одну традиционную свою фразу: «Здесь можно что-то сделать, надо подумать».

Мне не довелось присутствовать при этом. Но несколькими годами раньше мы сидели с Гавриилом Абрамовичем в его рабочем кабинете. Был тот летний предвечерний час, когда опускающееся к горизонту солнце пронизывает нежаркими лучами все вокруг, оставляя на земле длинные причудливые тени. За окном все казалось живым и теплым: деревья, скамейка, машина с красным крестом, неясные очертания строящегося-комплекса института.

— Видите молодого человека, повисшего на костылях? — спросил он меня. — Рядом мать, молодая и совсем седая. Она привезла его к нам как на последний остров спасения. У сына ампутированы обе ноги. Кожа оказалась неспособной выдерживать протезы. От соприкосновения с ними она

истончается и лопается, и снова начинается гангрена. От безвыходности ему предложили ампутировать еще выше и передвигаться с помощью тележки. Представляете: отсекать человека по частям?!

— А что можете сделать вы?

— Что-нибудь придумаем, пока надо спасать, что возможно. А в будущем… В будущем будем делать настоящие живые ноги. Сейчас мы где-то уже близки к цели. Знаете, — продолжал Гавриил Абрамович, — есть такая детская игра. — Он вдруг смутился и пояснил: — Подсмотрел случайно у нас в детском отделении. Веселая игра. Один спрячет книжку, а другие искать начинают. Тот, который спрячет, подбадривает приятелей, как бы дает направление поиска: «Холодно, холодно… Тепло, тепло… Горячо, горячо!» Вот и мы сейчас примерно в «районе тепла». Еще не «горячо», но уже и не «холодно». Поиски ведем не вслепую. Современные методы исследования, новейшая электронная аппаратура и приборы, высокая квалификация научных сотрудников — все это позволяет надеяться на успех.

Говорил он буднично и просто. Об исследовании активности процесса восстановления поврежденных органов, темпов костеобразования и состояния кровообращения при этом, способности утраченных тканей возрождаться.

Может быть, уже тогда он видел этот день, этот миг…

— Вместо стопы у меня был протез. А сейчас я танцую вальс! — повторила Зинаида Семеновна.

И не единственная она вновь обрела радость ощущать под живой ногой землю, траву. Вспоминаю молоденькую улыбчивую учительницу из Калининской области.

— Вера, — назвалась она, а отчество сказать по молодости своей девятнадцатилетней постеснялась.

Стопа Веры была в аппарате, «росла» понемногу и уже почти сравнялась со здоровой ногой.

— Вот так-то гонять на мотоцикле, — не сердито ворчит доктор Илизаров, долго и придирчиво рассматривая рентгенограмму и стопу. Вера улыбается, ямочки на румяных щеках ее прыгают.

— Не буду больше, Гавриил Абрамович, — клянется она как провинившаяся ученица. А настроение такое, что сейчас бы снова на мотоцикл, хоть и нога в аппарате. Так бы и полетела от радости, что снова у нее нога такая, какой, кажется, и была.

— Нет, нет, не совсем такая, как нам нужно. Толстовата, пожалуй, — доктор недоволен. — С этой стороны надо убрать. Где выкройка? — Лечащий врач держит наготове вырезанную из плотной бумаги выкройку смоделированной стопы.

Несколько месяцев назад, когда девушка приехала в Курган, стопа существовала лишь на бумаге, в схеме аппарата, предназначенного для того, чтобы «тянуть» из края большеберцовой кости сначала пяточную кость, а затем и всю стопу, «выращивая» одновременно с костной тканью мышечную, кожу, сосуды, нервы…

— Хотите, скажу, о чем вы сейчас думаете? — спросил Гавриил Абрамович, когда дверь кабинета закрылась за Верой. И, не ожидая ответа, сказал: — О голове профессора Доуэля, не так ли?

«СОБАКА-ВЕРБЛЮД»

В виварий — коридором надежды

О голове профессора Доуэля из научно-фантастической повести Александра Беляева, поразившей мое детское воображение много лет назад, я не думала, но Гавриилу Абрамовичу не призналась.

Я думала о тайнах аппарата профессора Илизарова, который исцеляет людей от тяжелых и часто неизлечимых заболеваний, возвращает привычные и мало ценимые нами, пока они у нас есть, радости человеческой жизни — движение, здоровье, способность трудиться, физическую полноценность. Как много ярких и неповторимых красок у нашего бытия, даже если в нем нет ничего выдающегося и примечательного!

Однажды один благодарный пациент курганской клиники назвал Гавриила Абрамовича «Микеланджело ортопедии». Казалось, он соединил несоединимое — непревзойденного мастера скульптуры, живописи, архитектуры эпохи Возрождения, воспевшего телесную красоту и мощь человеческого разума, с самым драматическим разделом медицины — ортопедией, занимающейся изучением и врачеванием неправильного, деформированного…

Исправить ошибку природы и случившееся несчастье, возродить в человеке утраченную гордую красоту и совершенство его форм — разве здесь нет чего-то от дара скульптора, художника?! И не сам ли Микеланджело воодушевляет хирурга-новатора своими стихами: «…да вспряну против зла, преодолев сомнения и боли»?

И с чистой совестью перед непревзойденным Буонаротти я поставила в заголовок одной из газетных статей о Гаврииле Абрамовиче признание излеченного им пациента — «Микеланджело ортопедии». Горько мне было услышать в день выхода газеты от друзей и коллег:

— Знаешь, это уж слишком…

А спустя три года на родине великого Микеланджело, где покоится его прах и где на площади его имени высится прекрасный бронзовый его Давид, флорентийцы назвали советского доктора Илизарова «Микеланджело из Сибири». Никого за минувшие четыре столетия не поставили они рядом с великим гражданином Флоренции.

Но пришел человек, который также, «преодолев сомнения и

боли», возродил в человеке утраченное его совершенство, и гордые флорентийцы преклонились перед искусством врачевателя и гуманиста, не боясь тем самым умалить величие гениального Микеланджело.

Те, кому довелось видеть искривленные, подобно корням старого дерева, руки молодой девушки, а у юноши вместо здоровой ноги — беспомощно повисшую иссохшую плеть, кто болел чужими несчастьями, как своими личными, тот поймет, что к жизни человек привязан не только сердцем и разумом, но каждой живой клеточкой всего существа.

Среди многочисленных писем в Курган доктору Илизарову одно заставило меня содрогнуться сильнее других. Это письмо от Эдит Павлычевой из Чехословакии.

> «Вы моя последняя надежда, в которую верю, как в бога, хотя я и неверующая. Если Вы не сможете мне помочь, то мне на этом свете незачем жить…»

Пять операций, начиная с пятнадцати лет, перенесла девушка, и на каждую шла с отчаянной надеждой, которая есть только у больных. Но каждый раз надежда разбивалась вдребезги: сколиоз грудного отдела позвоночника, искалечивший тело и жизнь юной Эдит, — не поддающееся излечению заболевание. Оперативные методы лечения искривлений позвоночника давали малоутешительные результаты. Горькая да меткая поговорка «Горбатого могила исправит». А исправить при жизни?!

Крупнейший советский специалист Я. Л. Цивьян, размышляя над некоторыми итогами оперативного лечения сколиоза в течение двух десятилетий, с сердечной болью пишет в своих трудах:

> «Бесконечна вереница этих людей, которые невольно заставляют меня думать о них. О их болезни… О том, как лучше лечить этих людей, и если не всегда вылечить их от их болезни, то хотя бы всегда быть в состоянии приостановить ее всесокрушающее течение и сделать последующую жизнь этих людей приемлемой, терпимой…»

Ничего утешительного не мог ответить доктор Илизаров на горестное письмо страдающей Эдит. Курганский научно-исследовательский институт не занимался устранением деформации позвоночника. Но Илизаров уверен, что его метод чрескостного компрессионно-дистракционного остеосинтеза поможет решить сложную проблему ортопедии — бескровное

лечение больных с искривлением позвоночника. Открытые в результате многолетних клинических и экспериментальных наблюдений закономерности развития формообразовательных процессов костной ткани и тесная их связь с кровоснабжением и нагрузкой все отчетливее убеждали его в этом.

Известно, что изменения формы позвоночника могут происходить по разным причинам. Возможно, к этому ведет и нарушение кровоснабжения и как следствие — сколиоз?

— Абрам Моисеевич, — приглашает Илизаров на совет заведующего лабораторией функциональной анатомии Мархашова, вдумчивого и терпеливого экспериментатора. — Нормальное развитие костного органа находится в полном соответствии с кровоснабжением и нагрузкой. Всякое отклонение от последнего неминуемо изменяет структуру и форму органа. Попробуем уменьшить кровоснабжение одной из сторон позвоночника или отдельных его позвонков, — размышляет Илизаров. — И тогда, возможно, удастся смоделировать деформацию позвоночника?

— Но если… — Мархашов, обычно спокойный, говорит взволнованно, — если мы найдем способ создать горб, которого раньше не было, то этим же способом можно избавиться и от прирожденного или полученного в результате заболевания?!

— Конечно, — Гавриил Абрамович улыбается, скрывая за улыбкой охватившее его волнение. — Мы с вами это хорошо знаем. Осталось создать…

Эксперимент продолжался три года. Длинный коридор первого этажа, который ведет в виварий, Мархашов стал называть для себя «коридором надежды». Каждый день он шел им в лабораторию с одним-единственным вопросом: как чувствуют себя подопытные животные? Занимаясь много лет исследованием кровеносной системы позвоночника человека, Мархашов не встречал в трудах отечественных и зарубежных ученых подобного эксперимента.

В эксперимент, который начали Илизаров и Мархашов, они «заложили» некоторые причины заболевания, искусственно изменив равномерность кровоснабжения и нагрузки на позвоночник. И вот результаты. Уже к концу первого месяца на стороне позвоночника, где сосуды были перевязаны и приток крови резко уменьшился, начала изменяться форма поперечных отростков позвонков, затем — межпозвонковых дисков, дуги позвонка, оси позвоночника. В результате — деформация грудной клетки. У собаки появился горб. «Собака-верблюд», как окрестили подопытное животное в зарубежной прессе. Одна из западных газет писала:

«Собака-верблюд» является первым шагом: следующим будет горбун, который возродится с прямой спиной».

— В институте планируется открыть отделение позвоночника, — поделился новостью Абрам Моисеевич, познакомив меня с программой исследований лаборатории.

В кабинет отдаленно и глухо доносились звуки вивария.

— Самое большое несчастье для человека, — продолжал рассказывать Мархашов, — если поврежден позвоночник. Человек, имея целые и здоровые ноги, лишается опоры и возможности двигаться. Он прикован к постели — страшный приговор, который не подлежит обжалованию, когда медицина бессильна… Посмотрите эти снимки. — Мархашов берет со стола фотографии с ангиограмм и анатомических препаратов. На них — фантастические переплетения сосудов, мышечных пучков, очертания позвонков и остистых отростков. Неспециалисту трудно в них разобраться. Но даже непосвященному ясно, что если стало возможным смоделировать деформацию нарушением адекватности кровоснабжения и нагрузки, следовательно, регулированием ее можно и исправить искривление.

— Как в клинической практике достигается сращение травмированного позвоночника? Обычно в пазы позвонков вставляется косточка для создания неподвижного состояния. Операция на позвоночнике сложная и «кровавая». Больной теряет много крови, а хирург скован опасностью повредить спинной мозг. С помощью аппарата Илизарова, методом бескровным и малотравматичным, нам удалось сопоставить отломки полностью пересеченного позвоночника собаки и удержать их. Исход? Давайте посмотрим.

Мы входим в длинный и гулкий коридор надежды. Лаборантка спускает с поводков собак. Веселая, с рыжими подпалинами дворняга, чуть подтаскивая левую лапу, обгоняет стаю и бежит из одного конца коридора в другой.

— Артистка, — смеется лаборантка, — любит себя демонстрировать… А это наш Господин, — женщина ласково треплет за уши другую собаку.

Господин — всеобщий любимец, доверчивый и ласковый пес, не знает того, что являет собой результат уникального эксперимента, какого еще не было в мировой ортопедии — ему удлинен позвоночник по методу Илизарова.

Когда подобные операции будут на человеке, сказать трудно. Но то, что они будут и будут успешными, — несомненно. К ним пролагают пути ученые института. Через смелые гипотезы и

мучительные сомнения, через изматывающие, бесконечные исследования и радостные открытия идут они к решению одной из самых сложных проблем медицины — лечения искривлений позвоночника.

На письмо Эдит Г. А. Илизаров и А. М. Мархашов ответили клиническим и анатомоэкспериментальным исследованием «Кровоснабжение позвоночника и влияние на его форму изменений и трофики нагрузки». Когда Гавриил Абрамович сказал в беседе с корреспондентами, что хирурги будут излечивать самые тяжелые деформации позвоночника, этого большого научного труда еще не существовало.

Каким же надо быть одержимым в науке и преданным человеку — не конкретному, не самому дорогому и близкому, а незнакомому, страдающему от болезни и несчастья, как надо любить человека, чтобы открыть свое сердце страданиям другого!

ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Жить, отвечая за все

День с утра предстоял обычный: операции, прием больных, беседа с диссертантами, всевозможные административные и хозяйственные заботы, обход отделений.

Дорога от дома до института длинная, и Гавриил Абрамович по привычке прикидывает ближайшие дела: операции назначены на двенадцать, значит успеет заскочить на строительство комплекса, посмотреть, как устраняются замечания по отделке пускового корпуса, затем — самые срочные хозяйственные вопросы.

Комплекс волновал его больше всего и, стараясь отвлечься, он начал «проигрывать программу». Зрительно представил, как с толстой папкой бумаг, документов и писем войдет Лидия Федоровна и начнет «отнимать у него жизнь», а он, слушая ее плавную речь, будет вникать в просьбы, читать докладные записки и подготовленные проекты приказов по институту, думать, как решить вечно неразрешимые квартирные вопросы и недостаток койкомест.

Машина качнулась влево, и из морозного тумана выплыли очертания строящегося комплекса, похожего на гигантскую белую бабочку с расходящимися от центра лучами — крыльями корпусов.

— Красиво?

— Красиво, — откликнулся шофер.

Внутри здания вовсю работали отделочники, гулко перекатывались по этажам их голоса, стук молотков, звон металла. Где-то далеко задушевно пели женщины.

«Маляры, наверное», — подумал Гавриил Абрамович, остановившись в вестибюле у красномраморной горки и вслушиваясь в песню.

— Фонтан вроде здесь будет, и рыбы, и зимний сад, — не то спросил, не то сообщил подошедший рабочий, — для больных надо, пусть радуются.

— Да, да, — кивнул Илизаров, — спасибо. Для больных надо красиво — это вы верно говорите.

В пусковом комплексе, из-за которого вот уже неделю кипели страсти на всех уровнях, работа шла также полным ходом. В одних комнатах собирали мебель, в других — навешивали светильники, в третьих — собирали сантехнику. В корпусе

перестилали взбугрившийся линолеум. Приемный покой, операционная, клинические лаборатории, рентгенокабинет были совсем не готовы.

«И несмотря на это главк настаивает, чтобы я подписал акт государственной комиссии о сдаче корпуса?»

На душе стало тоскливо и обидно. Вспомнились до мельчайших подробностей вызов в Москву и вчерашний крупный разговор с прилетевшим начальником главка.

— Гавриил Абрамович, — начальник главка Минздрава круто поворачивается к сидящему рядом за столом Илизарову. — Мы в жизни не строили таких объектов. Это же дворец! Дворец для больных! А вы не хотите принимать.

— А вы считаете, что дворцы нужны только здоровым?! Здоровые люди и без них счастливы. Дворцы нужны больным! — Илизаров побледнел. — Чего я хочу, спрашиваете? Я не хочу обмана! Для самоуспокоения, для галочки принимать незаконченный объект?

Молчавший до сих пор начальник строительного треста стал уговаривать.

— Поймите, нам нужен план. Шесть миллионов строймонтажа — не шутка. Это же люди, премии, вы их обижаете, они не поймут нас и вас.

— Если сдадим с недоделками, действительно, не поймут. И у нас люди, тысячи на очереди, они ждут. Годами ждут операции.

— Не подпишете?

— Нет!

— Вынужден доложить министру.

— Докладывайте. Выговор я уже получил… За плохое руководство строительством.

…В Москву его вызвали срочно. Ждал обстоятельного разговора по всему ходу строительства комплекса, по развертыванию научных исследований, амбулаторного лечения больных. Разговор оказался коротким.

— Гостиницу «Россия» строите в Кургане? Почему коридоры шире предусмотренных проектом?

— У нас больные на костылях, в обычном коридоре им не разойтись.

— Все фокусничаете. О чем вы думаете?

— Если вас интересует только это, зачем меня вызвали в Москву? Можно было выяснить по телефону.

Приказ с выговором за необеспечение строительства в установленные сроки пришел следом.

Все это вспомнилось сейчас особенно остро. Более пятнадцати миллионов рублей выделило правительство на

строительство пансионата, жилых домов, на сооружение и оборудование нового комплекса, единственного не только в нашей стране, но и вообще в мире.

Никогда до сих пор не возводили подобного по сложности и оригинального объекта и курганские строители. Для больных двухместные палаты, лаборатории с самым современнейшим оборудованием, бассейны для детей и взрослых, спортивный зал, актовый зал с аппаратурой для синхронного перевода на многие языки. Настоящий дворец здоровья, где люди будут излечиваться от страданий и несчастья.

Признаться, он мечтал о больнице, где бы не было навечно въевшегося запаха лекарств, настороженной тишины и чахлых от стерильности цветов. Но даже в юношеских мечтах не могла явиться ему такая больница, которая вырастала сейчас в старом яблоневом саду, бывшем до недавнего времени окраиной города.

«А может, уступить, подписать акт, — шевельнулась предательская мысль, — ради вот этих людей, которые сейчас стучат молотками, навешивают двери, перестилают линолеум, красят стены? — Но он тут же прогнал ее устыдившись самого себя. — Когда по совести, люди понимают».

Это он усвоил давно и навсегда.

…В приемной уже ждали. Едва он успел снять пальто и надеть халат, как «программа» пришла в действие Плавно говорила Лидия Федоровна. Время от времени он останавливал ее:

— Не понял, поясните, пожалуйста…

— Так, так. Нет, не так. А как считаете вы? Давайте разберемся.

— Какой ответ заготовили на письмо? Отрицательный… Пожалуйста, еще раз покажите снимки. Так. Думаю, мы может здесь кое-что сделать. Ребенку три года… Через два года пусть приезжает.

— Кому, кому решили передать старые машины? Почему «Водоканалу»? Они и так обязаны обслуживать водопровод и канализацию. Передать районным больницам — они очень нуждаются. Больницам и никому другому.

Стараясь не мешать, в кабинет неслышно входят врачи, научные сотрудники. Раскладывают большие клеенчатые пакеты с рентгенограммами, открывают пухлые истории болезней.

Короткий четкий доклад ведущего врача, тщательный анализ снимков и результатов обследования, осмотр больных. Затем обсуждение, вернее, выбор тактики лечения. Слово «тактика» произносится часто и не кажется инородным среди медицинских терминов.

Что ни больной, то своя судьба, своя трагедия, но общая у всех вера во всемогущество медицины и доктора Илизарова.

— Доктор, как вы считаете, когда я могу вернуться к работе? Я — физик. У меня не закончена важная для народного хозяйства тема. Мне нужно уложиться в минимальные сроки.

— Я — балерина! Я не могу не танцевать, понимаете, не могу! Помогите, пожалуйста, помогите!

И вдруг обнаженный в боли детский голос:

— Я хочу ходить!

Гавриил Абрамович садится рядом с мальчиком на диван.

— Согни ногу, выпрями. Больно? Упрись ступней в мою руку, сильней, еще сильней. Не бойся, дави, дави. Хоккей любишь смотреть? Любишь… Играть надо, чего смотреть-то. Вылечим ногу, и будешь играть.

В клинике Илизарова, как кратко называют в обиходе институт, не встречается «легких» больных. Сюда обращаются уже отчаявшиеся, перенесшие не одну операцию, с очень сложными и трудно излечимыми заболеваниями. И для каждого избирается определенный метод лечения, разрабатывается индивидуальная модификация аппарата. Вот и мальчуган из таких.

Сложнейшая аномалия развития. Родился по существу без ноги. Вместо нее — безжизненная плеточка. «Нога» сделана из дерева и кожи, тело зашнуровано в плотный кожаный корсет, подвязанный под самые плечи. За неполные свои всего-то тринадцать лет жизни перенес восемь операций, и ни одна не принесла облегчения. О! Как легко здесь попасть в плен чистым эмоциям и как трудно подняться над ними!

— Так, ваши предложения, — обращается Илизаров к коллегам, — какова будет наша тактика в данном случае?

— Установить на первом этапе контрактуру?

— Согласен. Но каким образом? Что дальше? Могут быть два варианта. Какой из них оптимальный?

Гавриил Абрамович возвращается за письменный стол, берет лист бумаги, набрасывает схему аппарата. Все склоняются над ним.

— Что предлагаете вы, Тамара Александровна? Предполагаете только? Мысль интересная, надо проверить. На операции можем столкнуться с неизвестным. Да, задача трудная, такой у нас еще не встречалось…

— А есть еще такая идея.

Шариковая ручка стремительно вычерчивает на бумаге линии шарниров, угольников, спиц. Но рождается новая мысль, еще не оформившаяся, неясная, и рука замирает в воздухе.

— А если избрать такой путь?

Думают все, все предлагают. Илизаров не категоричен, не навязывает личное мнение, скорее высказывает сомнение за сомнением, вызывая на размышление, на дискуссию в поисках одной-единственной истины. Но последнее слово — за ним, при общем понимании и согласии. Если понимания нет, он откладывает в сторону схемы и снимки.

— Давайте думать еще. Конечно, предлагаемый путь непривычен, трудно уйти от стереотипа… На раздумья — сутки.

При этих словах разряжается накаленная было атмосфера, мигом исчезают обиды, и снова люди бросаются в работу, как в бой, — в дерзкую, проклятую, любимую, каторжную работу ума, знаний, опыта, практики.

— Гавриил Абрамович, вас приглашают в операционную, — раздается по селектору спокойный голос старшей операционной сестры.

— Уже двенадцать? Иду, иду.

И как не бывало усталости. Доктор снова сгусток энергии, которая потребуется сейчас, сию минуту, на полную выкладку там, у операционного стола.

— Извините, товарищи, ухожу. Продолжим позднее.

На себя берет Гавриил Абрамович самые трудные операции. Не потому, что не доверяет сотрудникам. Немало рядом с ним выросло талантливых хирургов. Но он берет на себя ответственность по праву старшего, по долгу учителя.

«Тише! Идет операция!» — надпись на белой двери.

Священнодействие в операционной нарушается короткими просьбами-командами.

— Все, всё, закончили. Накладываем аппарат.

— Спицы!

— Дрель!

— Флажок, флажок дайте. Вот так, затянули. Проверьте натяжение. Хорошо.

В пять часов вечера Илизаров выходит из операционной. Он спускается на первый этаж и направляется в кабинет неторопливой усталой походкой много и хорошо потрудившегося человека. Как обычно, в вестибюле, коридоре, приемной много выздоравливающих и посетителей. И наверное, многим из них хотелось бы поговорить с ним — кому поделиться радостью, а кому — бедами. Но, поняв его состояние и чувствуя непомерный груз, с которым остается хирург после каждой операции, они смотрят ему вслед молча и благодарно.

В кабинете стоял остывший обед, но он не притронулся к нему. Налил из термоса крепкий чай, и снова — больные: осмотр, анализ, выбор тактики. Звонил телефон, и когда звонок

становился невыносимо долгим, снимал с рычага трубку.

— Москва? Товарищ Трубилин, здравствуйте! Да, да, мы выслали в министерство наши предложения по новым разработкам, просим рассмотреть.

— Мама? Чья мама? Не волнуйтесь, все идет хорошо. Скоро будем выписывать. Зачем плачете? Все хорошо! Смеетесь? Смейтесь.

Секретарь Галина Мартемьяновна приносит пачку писем. Сверху — длинненький белый бланк с золотыми переплетенными кольцами.

— Гавриил Абрамович, здесь приглашение на свадьбу, из Ленинграда.

Скупые, почти телеграфные строчки. Но о многом они говорят!

> «Дорогой мой доктор Гавриил Абрамович! Я полюбила, счастлива, выхожу замуж. Пожалуйста, приезжайте к нам на свадьбу. Мы вас очень просим. Будете самым дорогим гостем! Нина Викторова».

— Нина Викторова из Ленинграда, Нина Викторова… Ах, Нина Викторова! — Гавриил Абрамович радуется, что вспомнил бывшую пациентку. — Вы помните Нину из Ленинграда? — обращается он к коллегам. — Черненькая, симпатичная. Она у нас с рукой была. Рука деформирована, укорочена. Ну, помните, она очень боялась боли и называла себя «эталон боязни боли». Потом ее так и звали, а она смеялась, что трусила напрасно. Она еще говорила до операции, что ее никто никогда не полюбит. И вот замуж выходит…

— А какое сегодня число? — спохватывается Илизаров. — Значит, свадьба завтра? Телеграмма успеет.

И снова разбор больных. Приходят из отделений молодые хирурги, показывают снимки, как «растет», становится на свое место нога, как срастаются отломки сломанной при автокатастрофе руки, как заживают и сглаживаются страшные рубцы — отметки прошлых операций.

Уже давно вечер. Но клиника еще не спит. Илизаров идет по отделениям не спеша, без сопровождения лечащих врачей. Задерживается у постели «свежих» оперированных.

— Как себя чувствуете? Давайте посмотрим аппарат. Нормально… Завтра попробуйте встать.

— А не развалится нога? — шутит больной.

— Не развалится, крепкая. И больше, больше ходить, наступайте на ногу в аппарате, от этого усилится кровоснабжение, ускорится процесс восстановления мягкой и

костной ткани. Не забывайте, — добавил Илизаров, — наш опорно-двигательный аппарат — орган, не только созданный для движения, но и живущий движением.

В холле подросткового отделения играл на фортепьяно мальчик. Тонкие руки летали над клавишами, а рядом стояли костыли. Ни сам музыкант, ни его слушатели не оглянулись на тихие шаги. Гавриил Абрамович остановился.

Пленительная музыка захватила его и повела с собой в русское синее раздолье, в земляничные леса, и вот он уже далеко-далеко и слышит, как обнимает, ласкает его ветер родных гор и ускользает, падает куда-то камень из-под некрепкой его ноги и видит он себя таким же мальчиком… Сколько он встречал в горах разных тропинок! Они сходились от аулов к большой дороге, а куда вела эта дорога дальше, он не знал. Одни говорили, что в Махачкалу, другие — в Москву.

Но никто не знал, что поведет она его дальше Москвы, за Урал, и здесь навсегда теперь у него будет дом, семья и работа, которая станет его жизнью — радостью и бессонницей, наслаждением и мукой, непризнанием и признанием, частицей судеб многих тысяч людей. А это выше всех гор на свете, и потому не каждый поднимается на вершину.

…Заканчивается длинный рабочий день доктора Илизарова. С утра он был на стройке нового комплекса, решал всякие дела, затем оперировал пять часов подряд, и, когда вышел из операционной, не хотелось ни обедать, ни ужинать. Устало сомкнул ладони над стаканом горячего чая и сидел отрешенно, обдумывая новую идею, которая грызла непрестанно и не давала забыться даже в кротком сне.

— Разрешите, Гавриил Абрамович?

— Да, да, заходите. Что беспокоит вас?

И снова продолжается день, продолжается жизнь, которая каждому человеку дается всего одна — врачу и больному тоже…

И вполне возможно, что именно в этот поздний час, когда он уходит из клиники последним и лишь дежурные медики бодрствуют на своих постах, когда невыносимо обнажается боль и страдание, кто-то в другом городе или селе и, может, даже на другом краю света пишет:

«Помогите мне, доктор!»

ПИСЬМА ДОКТОРУ ИЛИЗАРОВУ

— с горем, надеждой и радостью

Письма с коротким адресом: «Курган, доктору Илизарову» — почта приносит каждый день вот уже много лет. Они добираются сюда, преодолевая огромные пространства, самолетами, теплоходами, скорыми поездами из разных городов и сел нашей страны, из других далеких и близких стран. В них — горькие исповеди несчастных судеб, горячая мольба о помощи и отчаянная надежда на исцеление. Потому что надежда живет в человеке даже тогда, когда у него уже ничего другого не остается.

На разноцветных конвертах красивые редкие марки, которые раз и навсегда запрещено здесь срывать. И эти марки, как лицо, как глаза, как язык изувеченных болезнью души и тела.

Письма зарегистрированы, пронумерованы и разложены по папкам для ответов. Но разве способна вместить страдания людей конторская картонная папка? Боль остается болью, на каком бы языке о ней ни писали.

Пожалуй, ни в какой другой области науки и техники поиски и открытия не связаны так близко с судьбами живых людей, с нравственными, социальными и экономическими проблемами общества, как в медицине.

В подтверждение немного статистики. По данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно в мире гибнет при автодорожных катастрофах 250 000 человек, более 10 миллионов получают увечья. Человечество побороло многие опасные инфекционные эпидемии, но мир захлестнула другая эпидемия — травматическая, и она ненасытно уносит человеческие жизни, в общей сложности гораздо больше, чем осталось лежать в земле после всех прошедших на ней войн. Так бесстрастно повествует статистика. А вот так страдают люди…

> Товарищ Илизаров!
>
> Мое письмо — жалобный крик одной печальной матери, просящей у Вас помощи. Вы, наверняка, поймете меня, и прошу: помогите моему единственному сыну!
>
> *Олах Палю, Будапешт*

Обращаемся с просьбой по поводу нашей дочери 1981 года рождения. Диагноз: врожденное недоразвитие

левой бедренной кости, деформация голеностопного сустава, отсутствие берцовой кости. Нужных специалистов найти не можем, просим помощи.

Чукотка

Помогите, пожалуйста!

Я дружу с парнем, но мои родители не советуют выходить за него замуж. Дело в том, что он хромает. Он очень хороший человек, но из-за своего физического недостатка считает себя хуже всех на свете. Очень прошу, помогите нам!

Л. Б., Кустанайская область

Постороннему человеку трудно понять несчастье, которое обрушилось на нашу семью в результате того, что сын сломал плечевую кость правой руки. Начиная с 1968 года по 1973 год крупные специалисты ГДР, Москвы, Тбилиси, Орджоникидзе, Ленинграда старались вылечить руку сына, однако все оказалось безрезультатным… Больная рука короче здоровой уже на 21 сантиметр.

В. В. Газеев

Уважаемый профессор!

Пишем Вам из Болгарии, из города Бобов дол. У нас две дочери, но когда родилась вторая дочь, наша жизнь стала тяжелой и страшной. Случилось большое несчастье, и нам страшно подумать, что мы никогда не избавимся от него — она родилась без ладони левой руки.

Когда дочь была маленькая, она была счастлива, как все дети. Сейчас она говорит и постоянно спрашивает, где у нее пальчики, почему у других две ручки, а у нее одна, и когда у нее будет ручка. Мы плачем и не знаем, что ей ответить. Просим Вас от всего сердца: можете ли Вы как-нибудь помочь нам или нет никакой надежды?

Каменка Цветанова-Годинова

Можно бесконечно продолжать эту печальную повесть в письмах…

Впервые в истории травматологии и ортопедии сроки лечения наиболее распространенных заболеваний и повреждений

опорно-двигательного аппарата сократились от 2 до 8 раз, значительно снизилась связанная с ними не только временная, но и постоянная инвалидность. Ежегодно — десятки миллионов рублей экономии. Для государства это важно, очень важно, но еще важнее для общества, потому что за каждым рублем и койкоместом, за листом нетрудоспособности стоит живой человек.

Я работал на строительстве Камского автомобильного гиганта в Набережных Челнах с самого начала. Со мной случилось несчастье. Врачи предложили ампутацию. В 34 года я потерял надежду, что буду ходить на своих ногах.

Руководство организации, где я работал, проявило обо мне большую заботу, и я попал на лечение в Курган, в институт. Золотые руки замечательных врачей делают, казалось, невозможное. На моих глазах вставали люди на ноги, которые уже не надеялись быть полноценными людьми, полезными в труде. Но они вставали — какая это была огромная радость! И вот я сейчас хожу, хожу пока с тросточкой, но в скором времени я буду совершенно здоров и вернусь к своему труду, в чем я теперь уверен.

Агафонов Федор Васильевич,

газоэлектросварщик

Дорогой доктор Илизаров!

Новости о моей дочери Софии поистине изумительны. Ее нога выросла уже на 7 см. Я считаю, что это — настоящее чудо и хочу поздравить Вас с этим.

Когда будет окончено лечение, она заново начнет свою жизнь. Она уже сейчас возлагает большие надежды на свое будущее. Я хотел бы поблагодарить Вас за все это, за Вашу доброту и понимание и сообщить Вам, что я никогда не забуду то, что Вы сделали для нее.

Дмитрий Маркевич,

композитор, Франция

Я простая работница, моя профессия — маляр. Стаж моей работы — 37 лет. Сейчас я на пенсии. Со мной случилось несчастье: упала и сломала руку в предплечье.

Лечилась больше года, лежала в больницах, но рука моя не срасталась, болталась. Я была в отчаянии. Нашлись добрые люди, посоветовали мне обратиться в Курган в клинику профессора Илизарова.

Профессор принял меня, осмотрел и сказал, что лечить будут, но лечить трудно, рука запущена. Пролечилась я в этой клинике почти год, рука моя срослась, я стала здоровой.

Приношу глубокую благодарность профессору Илизарову — руководителю и наставнику поликлиники. Сколько же эти люди возвратили к жизни больных, оказавшихся в таком же тяжелом состоянии, как я.

Сафьянова Анна Ивановна,

г. Свердловск

Вот уже более тридцати лет аппарат доктора Илизарова и открытые им методы лечения исцеляют людей, возвращают им здоровье и радость жизни. За это время в Кургане и других лечебных учреждениях страны по неполным данным вылечено более 200 тысяч больных.

Дорогой Гавриил Абрамович!

Мы так рады, что Вы — делегат XXVI съезда КПСС. Желаем Вам больших успехов в Вашем нужном людям и очень благородном труде, крепкого здоровья. Пусть Ваше доброе сердце и золотые руки приносят больше радости и счастья Вашим пациентам.

Члены совета Ленинской комнаты школы-интерната № 2 г. Кургана

Большое Вам спасибо, Гавриил Абрамович, что вернули мне жизнь, поставили меня на ноги. Я десять лет не ходил — возили на тележке. А теперь я хожу нормально, окончил среднюю школу, учусь в Омске на механика холодильных установок. Я везде и всегда горжусь Вами и Вашей помощью. Всю жизнь буду Вам благодарен.

С уважением,

Анатолий Шкуропат,

Омская область

«Ваша» нога благополучно выдержала все испытания и даже жестокие декабрьские штормы в Тихом океане.

Ваш благодарный пациент

капитан Г. Л. Сытин,

Сахалинское морское пароходство

Уважаемый доктор Гавриил Абрамович!

Это пишет Вам отец Суханова Саши, которого Вы лечили и сделали для него очень много. Он закончил институт, здоров, работает в Юргамышском районе. Я прочитал статью в журнале «Огонек» и, хотя я старик малограмотный, понял, какой у Вас был трудный путь в достижении своей победы. И все-таки Вы доказали свою правоту. За это большое Вам спасибо не только от тех, кого Вы поставили на ноги, но и от их родителей, от всего народа».

Курганская область

Низко кланяюсь Вам, великий доктор. Буду счастлива видеть Вас на своей свадьбе.

Д. Наумова, бывшая пациентка,

г. Хабаровск

Я только что вернулась из гастролей в Кургане, где познакомилась с очень интересным человеком, доктором Г. А. Илизаровым, который творит буквально чудеса, возвращая своим пациентам здоровье, счастье, улыбку. Посещение его клиники заставило проникнуться еще большей любовью и уважением к великой профессии врача.

Л. Зыкина, народная артистка СССР,

лауреат Ленинской премии

Дела у меня идут хорошо. По-прежнему летаю, жалоб на здоровье нет. Еще и еще благодарю Вас за то, что Вы вернули мне здоровье, счастье.

С уважением, бывший больной,

летчик Иванычев Н. А.

Родной нам человек!

Сегодня (к сожалению, в Ваше отсутствие) мы забираем из клиники свою единственную дочь Лизу, которую трижды оперировали лично Вы. Собственным глазам не верим, что видим. Какой мерой измерить тепло, излученное Вашей подвижнической жизнью, тепло, помноженное на счастье исцеленных Вами. Если бы можно было своей жизнью продлить Вашу!

Супруги Кисеевы,

г. Ростов-на-Дону

Душевно пожелаю Вам доброго здоровья и долго-долго жить. Весьма хотелось бы, чтобы Вы оставались всегда таким, каким запечатлела Вас моя память, каким Вы были в Долговке в 1946—50 годах. Весной 1947 года лечился у Вас, попутно Вы лечили мне глаза от трахомы, ох, и надрали веки, ей-богу! Эти болезни не беспокоят меня.

Артемьев Алексей Петрович.

Живу в Челябинске, работаю на заводе, награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Трудовой Славы 3-й степени.

Я абсолютно здоровый человек, никогда не страдавший какими-то ни было заболеваниями. Но, читая о Вас, о Вашем методе, хочу поклониться Вам до земли за Ваш самоотверженный труд, за Ваше непоколебимое мужество в борьбе с бюрократами от науки, за то, что Вы делали и делаете для людей.

Г. Демина, библиотекарь,

Ставропольский край, с. Грачевка

Спасибо Вам за Вашу самоотверженную работу, за огромное счастье, которое Вы принесли, и уверен, еще принесете многим людям. Спасибо за то, что Вы, даже не прикоснувшись ко мне, помогли и мне.

Гавриил Абрамович! Я понимаю, что разъезжать по гостям Вам нет времени, но прошу Вас, считайте, что в Ленинграде есть человек, который всегда будет рад Вам, как радуется сын приезду своего отца.

С уважением,

Чернолес Владимир Петрович,

подполковник, преподаватель Академии связи,

кандидат технических наук

Уважаемый Гавриил Абрамович!

Я не являюсь Вашим пациентом, но я очень рада, что у нас в СССР есть такие ученые, как Вы.

Казахская ССР, город Балхаш,

Евгения Верховых

Мы, ваши больные, выражаем нашей партии и правительству нашу сердечную признательность и благодарность. Вы человек, который воплотил в себе самые замечательные черты советского характера, черты личности, духовно богатой, верной высоким нравственным идеалам.

Ваш бывший больной, ныне здравствующий

Ашот Оганесович Якубян, Кировабад

…И СЛЫШЕН ЗОВ ТРУБЫ

О доброте в музыке, в человеке и в жизни

Когда доктора Илизарова попросили заняться лечением Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, он отказался.

— В этой области медицины я не компетентен и вряд ли могу чем помочь.

Он действительно не занимался подобными заболеваниями, были они не по профилю его хирургической деятельности. Но с того дня, когда к нему обратились за помощью, его уже не покидала мысль о том, чем можно помочь великому композитору, как остановить прогрессирующую болезнь.

И когда в одну из командировок в Москву Министерство культуры снова обратилось к Илизарову с той же просьбой, он воспринял ее как свой врачебный долг: в нем крепко сидел дух земского врача, каким он был двадцать лет назад, и в маленькой сельской больнице являлся одновременно хирургом, и терапевтом, и невропатологом, и гинекологом, и детским врачом, и кожником — лечил подряд от всех недугов. Тогда он не мог отказать в помощи больному человеку: был один на всю округу. А сейчас?

Он знал, что композитор давно и тяжело болен. Однажды, приехав в Москву и попав на концерт, видел из зрительного зала, как Шостакович с трудом поднимался на сцену. Илизаров подался вперед, сжал ладонями ручки мягкого кресла, словно пронизывал его самого нестерпимой болью каждый шаг. Сидевший рядом незнакомый человек тихо и горько прошептал:

— Вы знаете, Дмитрий Дмитриевич уже несколько лет не может играть на пианино: болят руки.

Илизаров кивнул, не поворачиваясь и не поддерживая разговора. Он спрашивал себя: что так сильно подкосило и без того хрупкий организм композитора? Голодные двадцатые годы, когда он тринадцатилетним мальчиком стал студентом Петроградской консерватории? Или безудержный, искрометный порыв его симфоний, концертов, опер, музыки к спектаклям и кинофильмам, требующий полной отдачи душевных и физических сил?

Доктор Илизаров не был ранее знаком с композитором. Он знал его жизнеутверждающую музыку по кинофильмам своей рабфаковской юности — «Возвращение Максима», «Встречный», «Выборгская сторона». Особенно поразила его Ленинградская

симфония. Он услышал ее по радио весной 1942 года и не мог поверить, что написал ее всего лишь один человек: звучала в Ленинградской симфонии могучая сила народного мужества и непобедимости духа и создать ее можно было только так — во весь рост поднимаясь навстречу врагу, устремляясь вперед, рискуя жизнью каждое мгновение.

И композитор действительно вставал во весь невысокий рост, как подобает солдату. По сигналу воздушной тревоги отрывался от исписанных нотных листов и поднимался на крышу дома тушить зажигательные бомбы, обрушенные фашистами на родной Ленинград.

Так композитор становился солдатом, и было это естественным состоянием человека — гражданина Отечества. И поэтому сам Шостакович об этом не вспоминал, не рассказывал, не писал.

— Я совсем не могу играть на пианино, руки не повинуются мне, — сказал о своей болезни Дмитрий Дмитриевич, когда они встретились, и толстые стекла очков не скрывали печаль в его глазах.

— Так… Надо думать…

Произнес Илизаров обычную свою фразу и замолчал. За годы врачебной практики он видел много больных людей и немало страданий. Одни больные рассказывали о мучавших их недугах очень подробно и умоляли избавить от них. Другие о боли не говорили.

«Я летчик, летчик, понимаете, Гавриил Абрамович, — горячился попавший в катастрофу, чудом оставшийся в живых и собранный вновь по кусочкам, по косточкам известный военный летчик, — я должен летать!»

«Летать как жить», — вспомнился сейчас доктору тот летчик. Да, да, тот летчик снова поднялся в небо. Композитору играть тоже как жить…

— Дмитрий Дмитриевич, вы, наверное, будете и у нас в больнице работать?

— Да, конечно. Григорий Михайлович Козинцев ставит на «Ленфильме» «Короля Лира». Просил музыку написать. Заканчивать буду здесь… — Помолчал. Вновь заговорил взволнованно, словно задыхаясь от быстрого бега. — Великий Шекспир… Мне как-то Григорий Михайлович сказал, что Чеховы и Шекспиры рождаются среди людей, и от них в мире все становится по-человечески, по-людскому. Люди людеют…

«Люди людеют… Странная мысль». Илизаров вопросительно посмотрел на Шостаковича.

— Как это людеют? Лучше, значит, становятся?

Композитор приехал в Курган. В палате на четвертом этаже сделали различные приспособления для тренировок и укрепления ослабленных мышц. Конструкции их разработал Илизаров. У композитора строгий режим: время для лечения и для работы. На четвертом этаже все знают об этом и стараются не мешать лишними разговорами в коридоре. Здесь рождается музыка «Короля Лира», пока ее не слышит никто, кроме композитора. Каждый вечер Гавриил Абрамович оставляет Шостаковичу ключи от своего кабинета. Там есть пианино, и Дмитрий Дмитриевич спускается на первый этаж играть — счастливые мгновения в череде больничных будней.

С тех пор, как поселился он в клинике Илизарова, неотвязная печальная мелодия словно преследует его. Иногда она слышится где-то вдалеке, за окном, а то вдруг совсем близко и так материально осязаема она, словно соткана из тончайших нитей человеческих несчастий и боли, и кажется, что до нее можно дотронуться рукой.

«…Дудочку шута я сочинил заново. Я решил, что использовать его песни не нужно. Дудочка должна быть очень печальной…» — пишет Шостакович из Кургана в Ленинград Козинцеву.

«Король Лир» для того и другого как собственная совесть.

«Почему Лир — герой именно этой трагедии? — размышляет Козинцев в своих режиссерских тетрадях. — Потому что он прошел самый долгий путь, выстрадал больше всех и пришел к самому простому».

«Что же это — самое простое? — откликается композитор. — То, что возникает в душе, то, в чем волен человек: любовь к человеку. Ненависть и презрение ко всему, что обесчеловечивает человека».

Вот где ключ к образу мыслей, к жизненным поступкам того и другого — выдающегося композитора и замечательного режиссера — отклик на боль, отзыв на страдание.

За плотно закрытым и заклеенным на зиму лейкопластырем окном — поздняя осень. Ветер жмет к земле кустики пожухлой травы, рвет паруса больничного белья на длинной, провисшей веревке, немилосердно раскачивает скрипучие пустые детские качели.

Тоскливо на душе, одиноко и беззащитно в такие минуты. Но всего два шага от окна, в глубину белой палаты, и — уже слышен за дверями разговор вполголоса, осторожные шаги людей, может быть, впервые в жизни шагающих без помощи костылей. Туда, к этим людям, страдающим и надеющимся! Что рождает их радость из печали и боли? Только одна надежда. Надежда и вера.

Никогда, ни в одной больнице не доводилось Шостаковичу видеть столько улыбающихся, жизнерадостных лиц, как здесь, в этой знаменитой клинике для «неизлечимых».

Шостакович распахивает дверь и видит мальчика, с которым подружился в день приезда.

— Дмитрий Дмитриевич, — бросается тот навстречу композитору, — поиграем в мяч?!

— В мяч?! У тебя же аппарат на плече!

— Ну и что, мне нисколько не больно. Он и не мешает вовсе.

Дмитрий Дмитриевич неуверенно берет мяч и осторожно бросает мальчику. Тот ловит и неожиданно сильным ударом посылает обратно. Дмитрий Дмитриевич не успевает среагировать, и мяч летит, прыгает по длинному коридору.

— Тоже мне друг, — обижается мальчуган и бросается догонять мяч.

— Такой уж друг, — смеется композитор.

На долгие месяцы оторванный от дома, от музыкального мира, от постоянной огромной общественной работы, Шостакович не чувствует одиночества в больнице. По-прежнему к нему, как члену Центрального Комитета КПСС и депутату Верховного Совета СССР, обращаются люди. Он возглавляет юбилейную комиссию по подготовке и проведению 200-летия со дня рождения великого Бетховена. Множество писем, встреч, дел.

В Курган приезжают известные музыканты, композиторы, певцы — посоветоваться с Дмитрием Дмитриевичем, поговорить, ободрить. После встреч устраиваются в больнице концерты для врачей и больных, затем в филармонии и Дворцах культуры — для курганцев.

Шостакович мечтает провести в Кургане фестиваль искусств. Он считает, что город достоин самой прекрасной музыки и самых лучших исполнителей. Дмитрию Дмитриевичу пришлось мало увидеть город и его окрестности, лишь в редкие прогулки, но сразу потянулся всем сердцем к его открытым и добрым людям, стремительным новым улицам, тихим березовым рощам.

Илизаров в лесу совсем другой человек. Шутит, смеется безудержно, а то вдруг замолкает и уходит в себя. Дмитрий Дмитриевич чутко улавливает его настроение, старается отстать, не мешать неосторожным шагом, разговором, пока Гавриил Абрамович вдруг не оглянется, извиняясь:

— Дмитрий Дмитриевич, простите великодушно, не заметил, как убежал вперед, замечтался…

— О новых методах лечения все думаете?

— Метод все тот же, — задумчиво отвечает Илизаров, — чрескостный компрессионно-дистракционный остеосинтез, мы

даже не предполагаем, как велики его возможности. — Гавриил Абрамович разволновался, говорит быстро, сбивчиво, торопясь к главной своей мысли. — Что мы можем сегодня? Восстанавливать цельность кости, удлинять укорочение, ликвидировать ложные суставы, устранять различные деформации… Да, многие заболевания были до сих пор неизлечимы, но этого мало, надо больше!

Лицо Илизарова побледнело, словно это он сейчас, а не шекспировский Гамлет, лично для себя решает вопрос жизни: «Быть или не быть?»

— Мы должны научиться, и мы научимся управлять восстановительными и формообразовательными процессами костной ткани.

— И тогда?! — тихо спрашивает Дмитрий Дмитриевич. — Что тогда?

— Трудно поверить, что будет тогда.

— Но вы-то верите?!

— Я? — Илизаров удивленно вскидывает голову. — Конечно, верю. Мы будем лечить самые сложные заболевания, самые труднейшие деформации позвоночника, возмещать недостающие после ампутации части голени и стопы.

Лечение Шостаковича продвигается медленно, но он сам замечает, как заметно прибавились силы, исчезли жестокие приступы болей. Уже по два-три часа ежедневно играет Дмитрий Дмитриевич на пианино, восстанавливает технику.

Самая большая радость на 171-й день пребывания в больнице — Гавриил Абрамович разрешил поездку в Ленинград. Работа над фильмом «Король Лир» заканчивается, и Шостаковичу не терпится быть там: музыка, музыка не отпускает его ни на один миг.

Перед отъездом в его палату приходят журналисты областной газеты, просят сказать несколько слов читателям, которые внимательно следят за выздоровлением композитора и желают ему самого лучшего. Дмитрий Дмитриевич чувствует себя неловко, но не знает, как обычными словами выразить ему благодарность. Он скажет об этом музыкой, а пока берет предложенный блокнот и пишет слова приветствия и уважения. С радостью сообщает журналистам:

— Мой почерк становится тверже, я уже совсем хорошо пишу.

И вот он, как обычно стремительный, энергичный, на «Ленфильме». То встает за дирижерский пульт, то склоняется над нотами. И, как всегда, неизменно доброжелателен, скромен и мягок. Немногословный и сдержанный, он с восторгом рассказывает о курганском кудеснике, докторе Илизарове, о

методах его лечения.

> «…Я один из его пациентов, — напишет позднее Дмитрий Дмитриевич, — и знаю, что мое здоровье улучшилось, как и у многих других, кто имел возможность воспользоваться его помощью. Он часто добивается успеха там, где самые прославленные светила уже сказали свое: «Безнадежно!» Он прекрасный хирург, настойчивый исследователь и добрый, увлеченный своей работой человек».

Шостакович, чья музыка стала в искусстве явлением века, отметил в докторе Илизарове три черты, на его взгляд, самые главные: «прекрасный хирург, настойчивый исследователь и добрый человек».

А что отмечают современники в Шостаковиче?

> «…Качество, о котором и написать трудно. Добро. Доброта. Милосердие… Это особая доброта: бесстрашная доброта, грозная доброта», — признается в своих записях Григорий Козинцев. И далее: «Иное дело музыка Шостаковича, тут мне и размышлять нечего: без нее, как и без переводов Пастернака, я шекспировских картин не смог бы поставить…»

Доброта в музыке. Доброта в человеке. Доброта в жизни. Движение добра от человека к человеку.

ШКОЛА ИЛИЗАРОВА

Каждый ученый мечтает, чтобы рядом были ученики

С Гавриилом Абрамовичем всегда рядом его молодые коллеги. Учатся у него, вместе разрабатывают новые методики лечения и различные модификации аппарата, ищут и находят новые области его применения в ортопедии и травматологии.

Первые ученики… Они работали с ним сначала в областной больнице, затем в госпитале инвалидов Отечественной войны. Некоторых он присмотрел в районных больницах, другие пришли сразу со студенческой скамьи. Анатолий Григорьевич Каплунов, красивый, с ровным характером и легкой рукой. Об этом прекрасно знали больные и мечтали попасть к нему на операцию. Улыбчивая Валентина Ивановна Грачева, комсомольский вожак, а позднее многие годы секретарь партийной организации. Теперь и дочь ее тоже врач, работает в том же детском отделении.

Великий спорщик, ничего не принимающий на веру, пока не разберется сам, Анатолий Андреевич Девятов, под внешней грубоватостью которого скрывается нежная душа ребенка.

Тоненькая, угловатая, как подросток, серьезная и задумчивая Валерия Георгиевна Трохова.

Борис Константинович Константинов, широкая натура, хирург, что называется, от бога.

Вечно занятая то сбором информации по распространению илизаровского метода, то подготовкой бумаг в министерство, то составлением методических рекомендаций Лидия Александровна Попова.

Что, кроме трудностей и борьбы, мог обещать им, молодым и подающим надежды хирургам, непризнанный доктор Илизаров?

Слава еще и не грезилась. Очередь на квартиры не двигалась. Была лишь работа, идея сделать счастливым больного человека. Они верили Илизарову, он верил им. И ради великой цели они жертвовали личным благополучием и покоем близких, теснились в невероятно перенаселенных палатах госпиталя, в заставленных кроватями коридорах и плохо оборудованных операционных.

С трудом, с помощью сотрудников, друзей, знакомых, больных собирали выточенные в мастерских и заводских цехах детали аппаратов. Засиживались до глубокой ночи в ординаторской, пили остывший чай. Когда Илизаров улавливал в повисшей тишине чей-то тяжелой вздох, он вскидывал голову, отчего пышные усы его смешно подпрыгивали, а глаза

становились совсем черными, и упрямо повторял:

— Нас не понимают сегодня — поймут завтра, не поймут завтра — послезавтра поймут.

И снова шло своим чередом: операции, обход больных, разработки, горячие споры, поездки в Москву, в министерство, в институты ортопедии и травматологии других городов, в Центральный институт травматологии и ортопедии, на заводы по изготовлению образцов аппаратов.

Так незаметно для себя стал Гавриил Абрамович воспитателем, наставником молодых ученых. И хотя авторитет его непоколебим, хотя всегда последнее слово остается за ним, он гордится своими учениками: у них есть смелость мышления, отвага в научном споре и способность работать, доходящая до самопожертвования.

Иногда Гавриил Абрамович спохватывался: какое он имеет право так загружать их работой? Он начинал ворчать, разгонять друзей по домам, к женам и детям, уговаривал сходить в кино.

— Мы же добровольцы! — успокаивали его в ответ. И тут же начинали дурачиться, как мальчишки, петь: «Комсомольцы — добровольцы!»

Илизаров не раз ловил себя на мысли: мог бы он обойтись без таких помощников? И с радостью признавался: нет, без них — нет. Они никогда не объяснялись друг другу во взаимности, и, как ни скрывали, знает Гавриил Абрамович, что сначала для краткости звали его «шефом». Ему это немножко льстило, нравилось, хотя в общепринятом уважительном «шефе» и чувствовалось что-то чужое. Так было до тех пор, пока однажды, войдя стремительно в переполненный конференц-зал, он вдруг не услышал отчетливое и ласковое:

— Тятя здесь!

Это милое, деревенское, чистое «тятя» обдало его мягкой, нежной волной, будто прикоснулась к горячему лбу мозолистая рука отца, будто это все его сыновья и дочери.

Для учителя ученики остаются учениками, как всегда остаются малыми детьми для родителей взрослые дети. Не заметил и Гавриил Абрамович, как выросли, набрались силы и опыта его первые питомцы. Друг за другом защитили диссертации и стали кандидатами медицинских наук, возглавили отделы и лаборатории института.

И не надо было бы желать ничего лучшего, если бы так все и продолжалось. Но наступил день, когда вчерашние птенцы начали вылетать из родного гнезда. Как ни горестно расставаться учителю с талантливым учеником, правой рукой и надеждой, приходят новые ученики. И дело продолжается.

Владимир Иванович Шевцов, заведующий лабораторией, в институте второй десяток лет. Как быстро летит время! А будто вчера было…

В институте — стажировка врачей из районов. Лекции ученых и опытных коллег, показательные операции, долгие вечерние беседы и утренние обходы больных с подробнейшим разбирательством историй болезни и хода лечения.

Гавриил Абрамович внимательно присматривается: не загорится ли кто по-настоящему его идеями, не испугается ли трудностей и вступит вместе с ним на путь неизведанного? Кому доверить интересную перспективную разработку нового направления?

Нужен не просто врач, хороший специалист, а блестящий хирург, и не только способный заниматься наукой, а иметь характер организатора. «Врач… должен прежде всего действовать административно, а потом врачебно», — одну из заповедей отца русской хирургии Пирогова Илизаров не раз испытал на собственном опыте и уверен, что без настойчивой организации мертвым капиталом могут остаться даже самые эффективные методы лечения.

— Владимир Иванович, — Илизаров задерживает в ординаторской после обхода палат молодого хирурга из Юргамышского района Шевцова, — будете у нас работать?

— Буду! — отозвался Шевцов, как о давно решенном для себя. Не спросил ни о должности, ни о квартире. Даже если бы в тот момент эти мысли и пришли в голову, он все равно не спросил бы. Потому, вернувшись домой, не мог объяснить толком жене, что ждет их в Кургане. Единственное, в чем он был уверен, — интересная и сложная работа. А для начинающего ученого это главное.

То, чем предложил Илизаров заниматься Шевцову было не просто интересной работой. Амбулаторное лечение больных с заболеваниями опорно-двигательного аппарата только-только начало развиваться в курганском институте. Подобного в мировой медицинской практике не встречалось.

На мысль об амбулаторном лечении Илизарова натолкнули… сами больные и острый недостаток мест в стационаре. А что если наложить аппарат, научить человека самостоятельно дозировать дистракцию, наблюдать больного каждый день или через два-три дня? Жить в это время он может и дома, и в гостинице, и в пансионате.

Есть любопытный факт в истории илизаровских методов лечения. Больного со сложным переломом привезли из Шадринского района. Лечение шло успешно, не аппарат снимать

было рано. Наступил август. Больной затосковал и наконец решился:

— Гавриил Абрамович, отпустите меня домой. Погляжу, как хлеб убирают. Не могу, сердце разрывается, вдруг да комбайн мой стоит.

— Ну, а если стоит, что сделаешь, Александр Иванович?

— Подтолкну, Гавриил Абрамович, — обрадовался Богачев, поняв, что его и вправду могут отпустить.

Илизаров позвал на совет врачей, осмотрел Богачева:

— Можем отпустить на неделю.

Богачев уехал с подробной инструкцией, как себя вести и беречь ногу в аппарате.

Вернулся в клинику загорелый, обветренный, довольный.

— Вот, Гавриил Абрамович, подтолкнул, — он положил на стол газету.

— Что подтолкнул? — не понял Илизаров.

— Уборку!

В газете среди фамилий передовых механизаторов стояла фамилия и Богачева Александра Ивановича, намолотившего шесть тысяч центнеров зерна.

— Так у тебя нога в аппарате?!

— А она мне и не мешала, — расплылся в улыбке механизатор. — Сами же говорите, что больную ногу надо больше нагружать для быстроты лечения.

— Спасибо, Александр Иванович, — Илизаров растроганно пожал руку. — За хлеб спасибо, за успешное испытание наших методик и аппарата спасибо.

Ту газету за 16 сентября 1976 года и по сей день хранят в институте. Ее засняли на пленку и показывают слайд, как еще одно доказательство возможности амбулаторного лечения.

Владимир Иванович Шевцов по-прежнему заведует лабораторией чрескостного остеосинтеза при ортопедической патологии у взрослых. Кандидат медицинских наук, он продолжает изучать различные методики лечения в амбулаторных условиях. Вся амбулаторная служба в курганском институте — на нем.

Анатолий Сергеевич Свешников, напротив, приехал в Курган зрелым ученым, доктором медицинских наук. Но еще будучи студентом Ставропольского медицинского института, узнал о методах лечения по Илизарову и следил за тем, как нелегко пробивают они дорогу в практическом врачевании. Прочитав в «Медицинской газете» о конкурсе на должность руководителя радиоизотопной лаборатории в Курганском НИИ, собрался и поехал.

Не пожалел, что простился с институтом медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР, где проработал пятнадцать лет. На основе радиоизотопных исследований процесса костеобразования отрабатываются оптимальные варианты лечения. В ортопедии и травматологии это и впервые и очень эффективно. Ближайшая задача — выяснить природу резерва клеток, лежащих в основе образования кости.

О каждом ученом и сотруднике института можно рассказывать много интересного. И каждый, в большей или меньшей степени, ученик. Зрелый хирург, уже и сам давно наставник, но гордится, если скажут о нем: «Ученик Илизарова».

От них самих можно часто слышать:

— Нам повезло.

— Нам посчастливилось, — сказала и Анна Аранович, когда ей в числе девяти молодых ученых была присвоена премия Ленинского комсомола, — нам посчастливилось работать с родоначальником нового направления в ортопедии и травматологии, лауреатом Ленинской премии, директором нашего института Гавриилом Абрамовичем Илизаровым.

На основе глубокого физиологического, биохимического и биомеханического анализа молодые исследователи — врачи, биологи, инженеры — Арнольд Попков, Валерий Голиков, Анна Аранович, Геннадий Сушко, Александр Шеин, Людмила Палиенко, Геннадий Шевченко, Александр Предеин, Наталья Петровская — вы явили эффективные методы лечения некоторых сложных заболеваний по методу Илизарова. Их практические рекомендации помогли сократить сроки лечения, а это, понятно, важно для больного и для страны.

Школа — понятие широкое. Это прежде всего — направление в науке. Это и единомышленники, последователи, продолжатели. Сначала единицы, потом десятки, сотни практических врачей и научных сотрудников по собственной инициативе и по командировкам республиканских и областных органов здравоохранения приезжали и приезжают в Курган учиться у Илизарова.

Благодаря школе Илизарова сегодня более чем в 600 лечебных учреждениях страны применяется его метод, в шестьдесят стран мира экспортируется аппарат Илизарова и учебные фильмы к нему. Гавриил Абрамович проводил блестящие операции, выступал на международных симпозиумах в Венгрии, Монголии, Германской Демократической Республике, на Кубе, в Италии. Зарубежные ортопеды и травматологи считают за великое счастье попасть в Курган, в «ученики» к знаменитому доктору.

Никогда не таил секретов Гавриил Абрамович:

— Смотрите, изучайте, исследуйте, повторяйте, идите дальше, но… не дискредитируйте, не перечеркивайте, не порочьте то, что достигнуто неимоверным трудом людей для людей.

На одной из последних союзных конференций на трибуну поднялся представитель Саратовской области и подверг критике метод амбулаторного лечения.

— Не пригодно! — безапелляционным тоном заявил он. — Не знаю, как это получается в Кургане, но мы имеем отрицательные результаты — осложнения, гнойные процессы.

Зал заволновался: то, что хорошо у Илизарова, не всегда получается у других.

Оратор, не смущаясь, между тем рассказывал, что в одной районной больнице их области «освоили» наложение аппаратов по Илизарову. «Наложат» и отправляют больного домой, не беспокоясь, как он доберется за десятки километров по бездорожью. Какие там еще рекомендации и указания! Даже приказ министерства, рекомендующий опыт распространения амбулаторного лечения применять там, где есть условия, где в совершенстве овладели илизаровскими методами и неукоснительно соблюдают инструкции и рекомендации института, не действует на таких горе-лекарей. Амбиции больше, чем собственного разумения.

— Что же вы делаете, товарищи доктора! — негодует Гавриил Абрамович. — Остановитесь, не калечьте до конца больных людей, не усложняйте им и без того нелегкую жизнь. Смелость в нашем деле никогда не должна превышать умелость. А умелости у вас не достает. Приезжайте, будем учить.

После конференции Гавриил Абрамович долго не может успокоиться и недоумевает:

— Как можно? Совести нет, что ли? Ну, ладно, опорочили методы лечения, так люди же, люди страдают!

Илизаров может простить сотруднику любой проступок, кроме того, который во вред больному. Поможет исправить ошибку, но будет долго расстраиваться, если об ошибке узнает не от самого виновника.

— Представьте, что этот больной — ваш сын или дочь, ваша мать, — сердится он. — Вы что, отнеслись бы так же невнимательно?

«Больной — самый близкий вам человек». Не об этом ли клятва Гиппократа, которую дают медики, одевая белый халат, — символ чистых помыслов и беззаветного служения человеку?

«Школой Илизарова» называют курганский институт все,

кому довелось побывать здесь на курсах или стажировке. В шестидесятые годы, когда илизаровский метод с величайшими трудностями пробивал дорогу, уже тогда действовали в Кургане курсы — и в госпитале, и в областной больнице, где никаких условий для этого не существовало. Сейчас специальная кафедра занимается подготовкой и переподготовкой врачей. Руководит ею доктор медицинских наук Анатолий Дмитриевич Ли. В пору становления института, когда крепкая нужда была в научных кадрах, он приехал в Курган из Ленинграда.

А разве забыть молодым ортопедам и травматологам страны десятидневную школу, которую провели для них в институте Илизарова Центральный Комитет ВЛКСМ и обком комсомола и в которой занимались более двухсот «учеников» — начинающих ученых.

Лекции и задушевные беседы, операции, осмотр больных; доклады и обсуждения, дискуссии. Илизаров в дискуссии — человек прямо-таки незаменимый. Не успокоится, пока до мелочи не докопается, ни одного, самого незначительного вопроса не оставит без внимания. Он не любит людей инертных, равнодушных, ленивых. Сам кого хочешь зажжет, но и вокруг него должны все гореть: иначе работа не по душе.

Занятия во Всесоюзной школе молодых ортопедов и хирургов заканчиваются общей дискуссией. Вопросы Гавриилу Абрамовичу со всех сторон:

— Мы знаем, что ваши методы лечения утвердились не сразу. Не возникало ли у вас в связи с этим сомнений, разочарований? Не хотелось бросить все и уступить крупным авторитетам или заняться чем-нибудь попроще?

— Не хотелось, поверьте, — улыбается Илизаров. Молчит недолго и совсем буднично, просто говорит: — Истину вообще трудно постичь без мучительных сомнений, а утвердить без борьбы мнений — тем более.

— Значит, у вас были и есть враги?

— Нет, — качает головой Гавриил Абрамович, — врагов не было и нет. Просто одни искренне не верили и не понимали суть метода. Другие держались за старое, потому что боялись новых волнений. У третьих рушилось все, на чем они стояли и строили собственное благополучие. Так что по-человечески всех понять можно.

— Вы, значит, согласны на компромисс?

— Нет, понять человека и пойти на компромисс — далеко не одно и то же. Дело не в престиже и приоритете. Мы живем и работаем для людей, для их здоровья и счастья, и компромисс с собственной совестью здесь можно расценивать как предательство

больных. Простите, наверное, я говорю прямо и грубо.

— Можете ли применить к себе слова Карла Маркса о том, что счастье — в борьбе?

— В борьбе я стремлюсь к достижению цели. Когда получается, действительно счастлив.

— Как проводите свободное время?

— Работаю все время, кроме отведенного на сон, поэтому свободного не остается. Раньше любил рыбалку, грибы собирать, бродить в лесу. Сейчас нет времени. Надо много сделать. А вы, — Гавриил Абрамович смотрит в зал, — вы молодые, у вас все впереди. Дерзайте, думайте, экспериментируйте, всматривайтесь в живую природу, она многое подскажет и откроет.

Сам он многому научился у природы и продолжает у нее учиться. Вот почему редкие прогулки в лес для него — радость душе и работа мыслям.

Не забыться, не уйти от самого себя… Человеку, мало общавшемуся с Илизаровым, могло показаться, что тот часто уходит в себя, невнимателен к собеседнику, не вникает в то, что происходит вокруг. Но обмануться здесь очень легко. Редкий человек умеет так слушать и так глубоко анализировать, как Гавриил Абрамович.

В вечном движении городских улиц ему вдруг слышится мертвый стук костылей по асфальту. В нежной музыке голоса дочери уловится чья-то печаль. В весенней капели, трепете доверчивого подснежника зазвучит победа добра над злом… В такие мгновения в нем творит художник и поэт, заявляет о себе гармония Природы и Человека.

БРУМЕЛЬ БЕРЕТ НОВУЮ ВЫСОТУ

Второе рождение чемпиона

Многие ошибочно полагают, будто широкая известность к курганскому доктору пришла лишь после того, как он поставил на ноги Валерия Брумеля.

Нет, не в одночасье, как думают некоторые, Илизаров стал легендарным. За два десятилетия до встречи с Брумелем жила легенда о курганском докторе. Но рядом с его именем она взяла такую высоту, на которую уже не мог подняться прославленный олимпийский чемпион.

Беда с рекордсменом мира по прыжкам в высоту Валерием Брумелем случилась осенью 1965 года. Поздним вечером по Яузской набережной Москвы несся красный мотоцикл. То ли секундная растерянность водителя на развилке дорог тому виной, то ли скользкий от дождя асфальт не удержал стремительно рвущееся вперед металлическое тело мотоцикла, только в то же мгновение его резко качнуло и бросило вместе с пассажиром на железобетонный фонарный столб.

Подняться с дороги пассажир не смог. Сначала он не почувствовал боли и не понял, что обнаженная до сахарной белизны сломанная кость — это его нога. Пассажиром был Валерий Брумель. Его доставили в Институт скорой помощи имени Склифосовского.

Опытным хирургам удалось собрать по кусочкам раздробленную ногу чемпиона, сшить порванные сосуды, мышцы, кожу. Известный хирург Иван Кучеренко сделал, казалось, невозможное, избежав необходимой в подобных случаях ампутации.

Знаменитый прыгун, поставивший десять европейских и шесть мировых рекордов, множество раз испытавший ликующее чувство взлета, лежал теперь закованным в тяжелый гипсовый футляр. Больная нога больше не принадлежала ему, и угроза ампутации не отступала.

Мучительные операции следовали одна за другой. Костыли мертвой хваткой связали спортсмена с землей, но они же давали ему и единственную возможность движения. Почти три года в операционных и палатах Центрального института травматологии и ортопедии. Последнее слово врачей лишило Брумеля всяких надежд на спортивную жизнь:

— Ходить будете, прыгать — никогда.

«…Я находился, что называется, в самом «разобранном» состоянии. Разошелся с женой, лишился сразу нескольких прежних товарищей. На костылях, с гниющей костью, а главное — без всякой надежды хоть на что-то, я понемногу начал «притрагиваться к стакану…» Я просто не представлял, что мне делать без спорта. Все время ощущал пропасть, дна у которой не было…» — так беспощадно откровенно скажет о себе, отчаявшемся и все-таки не смирившемся, Брумель.

В безысходной тишине больничных палат Валерий слышал отдаленный восторженный гул стадионов мира. Москва, Париж, Нью-Йорк, Лос-Анжелос, Рим, Токио… Какой мальчишка не мечтал об автографе Брумеля! Головокружительная спортивная карьера сделала его всемирно известным спортсменом и всеобщим любимцем. Казалось, сама судьба короновала советского чемпиона призом Италии, предназначенным для первооткрывателей, — Золотой каравеллой Колумба. Он смог подняться над землей на два метра и двадцать восемь сантиметров, что явилось небывалым достижением.

Теперь та же судьба жестоко обошлась с ним. Ему недоставало трех с половиной сантиметров, чтобы дотянуться до земли и идти по ней обеими ногами. И неужели не было ни одного человека в мире, который мог бы помочь ему?

К этому времени советский врач, ученый Гавриил Абрамович Илизаров при лечении травматологических и ортопедических заболеваний достиг удлинения кости на двадцать пять сантиметров, и тысячи людей с помощью аппарата Илизарова и разработанных им методик вновь обрели здоровье. Когда Брумель узнал об этом, перед ним забрезжил слабый луч надежды:

— Курган? Какой Курган? Где? Не верю. Чуда уже не будет… А может?!

Он позвонил. В Москве рабочий день кончился давно, и зимняя темень билась в окна. Но время сейчас не имело окраски ни дня, ни ночи, и в целую вечность вытянулись долгие пятнадцать минут ожидания звонка междугородки. На другом конце провода за две тысячи километров устало вздохнули и ответили:

— Да, институт Илизарова. Валерий Брумель?! Очень приятно, слушаем вас. Хронический остеомиелит, говорите? Короче на 3,5 сантиметра? Ну и что?! Приезжайте, вылечим.

Брумель не поверил. Слишком слабым был лучик надежды, чтобы поверить в него. Но в тот же, еще не кончившийся день он вылетел в Курган.

…Самолет пошел на посадку. Под крылом начались зеленые ленты хвойных лесов, круглые чаши озер. Вереницей пробежали

шеренги дачных домиков, за ними — белые острова новостроек, и вот уже ветер гонит по бетонке пыль. Тяжело повисая на костылях, спускается Брумель по трапу. Миловидная стюардесса, опекавшая его всю дорогу, жалостливыми глазами смотрит вслед. И от беззвучного этого сострадания он, молодой, красивый, еще острее чувствует свою беспомощность.

— Прыгать хотите?

Смысл обращенного к нему вопроса в строгом кабинете, где только что собравшиеся врачи осматривали его больную ногу, анализировали рентгенограммы, спорили о методике лечения, доходит не сразу. Почти три года ему говорили одно:

— Ходить будете. Прыгать — нет.

И вдруг:

— Хотите прыгать?

Зачем они об этом спрашивают? Неужели не видят, не понимают, что ему и без того невмоготу больше?

Позднее в своих очерках и книгах Валерий Брумель расскажет, какие чувства обуревали его в эти дни. С точностью бесстрастного хронометражиста он будет записывать в личном дневнике каждый день лечения и радостно назовет это время «вторым рождением».

Да, в двадцать шесть лет Валерий Брумель родился снова, потому что обрел на курганской земле то, без чего человеку невозможно жить, — надежду.

Через неделю после приезда в Курган ему сделали операцию и надели на ногу аппарат. На другой день в палату пришел Гавриил Абрамович Илизаров и стянул с больного одеяло.

— Вставайте и идите. Идите хотя бы смотреть телевизор.

Это было похоже черт знает на что и никак не вязалось с больничным режимом обычной больницы, где до сих пор Брумелю приходилось вылеживать в гипсе по три-четыре послеоперационных месяца. Илизаров, улыбаясь в усы, настаивал на своем:

— Вставайте, кому говорю? У нас больные обязаны ходить. Такое у нас лекарство, если хотите знать.

— Для того, чтобы двигаться, лекарство — «двигаться»… Интересно!

— Конечно, интересно, молодой человек. Аристотель что сказал? Жизнь требует движения!

— А Плутарх?

— Движение — кладовая жизни.

— А Платон?

— Гимнастика есть целительная часть медицины.

— А Илизаров сказал, — подхватил, засмеявшись,

Брумель, — «Вставай и иди!»

С этими словами Валерий встал и пошел.

Сначала ходил на костылях. Потом — опираясь на трость. Затем — на «своих двоих», хромая только в силу привычки. Кинолента — убедительный документ — запечатлела и первые шаги, и километровые походы в ближний березовый лес. И счастливый день выписки. Прощаясь, Валерий крепко обнял Гавриила Абрамовича. Он готовился сказать ему много сердечных благодарственных слов. Но сказал всего лишь одно слово:

— Отец…

Через полтора месяца после возвращения домой Брумель начинает тренироваться на столичном стадионе Юных пионеров. А спустя два месяца совершает свой первый после катастрофы прыжок на высоту два метра и пять сантиметров.

Пожалуй, эта сенсация прозвучала не менее громко, чем его прошлые мировые рекорды. Страницы отечественных и зарубежных газет огласились потрясающей новостью: «Брумель снова прыгает!» Рядом с фамилией знаменитого спортсмена стояла фамилия выдающегося хирурга.

Настоящий подвиг не нуждается в зрителях. Не присутствовали они в операционной Курганского института экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии (самостоятельным институтом он стал с декабря 1971 года). Не были они и в секторе для прыжков московского стадиона.

Но пресса подробно рассказала на многих языках мира о триумфе короткой спортивной жизни Брумеля и постигшем его несчастье, об исцелении в Кургане и чудесном аппарате доктора Илизарова. Новые страницы в живую легенду вписал Валерий Брумель. Популярны его книга «Высота», сценарии фильмов, пьеса в соавторстве с Ю. Шпитальным «Доктор Назаров».

Три года болезни не могли не сказаться и помешали Брумелю вернуться в большой спорт. Доктор Илизаров помог Валерию взять новую высоту, не рекордную для спортсмена, но вполне подходящую для того, чтобы жить дальше, борясь и побеждая…

Отец… Что сказать к этому, что добавить?

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

О том, что вышло из отпуска, и силе инерции

Когда я посмотрела на своих соседей по пляжу, не поверила глазам. Мгновенно мелькнула мысль: мираж. Мало ли что может показаться от ослепительного южного солнца и безграничной морской глади.

Снова посмотрела на соседей и поняла, что нет, не мираж. Рядом на пляже расположились родные курганцы, которых давно не видела, уехав на учебу в Москву, — Гавриил Абрамович Илизаров, его жена, тоже врач, Валентина Алексеевна и их маленькая дочка Светлана.

От радости я чуть не подскочила на лежаке: редкая удача для журналиста встретить своего героя в непосредственной обстановке. И в следующий миг Гавриил Абрамович посмотрел на меня, узнавая и не узнавая одновременно, с мольбой и отчаянием.

— Не выдавайте, ради всех святых, молчите, что мы — это мы.

Я с трудом погасила радость и кивнула головой.

— Понятно! Заговор молчания.

— Знакомых встретила? — живо заинтересовалась приятельница, с которой мы приехали к морю и приходили в себя после экзаменов и столичной сутолоки.

— Да нет, показалось, — пробормотала я, мгновенно решив, что даже ей не скажу, что рядом с нами отдыхает знаменитый доктор Илизаров.

Мне стало стыдно, что еще минуту назад всего одним словом я могла нарушить отдых Илизарову и его семье. Стоило только назвать имя или поделиться новостью с подругой, и, как это бывает, он бы уже не выходил из плотного окружения любознательных отдыхающих.

— Расскажите о вашем аппарате.

— В чем принцип лечения?

— А вот я слышал…

— А у моего коллеги…

— Будьте добры, автограф…

Моя приятельница непременно уже стояла бы с диктофоном и не терпящим возражений голосом говорила:

— Пожалуйста, Гавриил Абрамович, несколько слов для дальневосточных радиослушателей.

А в курзале рядом с афишей о новом кинофильме к вечеру красовалось бы яркое приглашение на лекцию о новых методах лечения в ортопедии и травматологии. Я нечаянно могла лишить Гавриила Абрамовича спокойного отпуска, в котором он не был больше десяти лет.

Мы встречались на пляже почти каждый день. Валентина Алексеевна плескалась с дочкой у берега, Гавриил Абрамович читал, загорал. Появлялись они сразу после завтрака, и к десяти часам, когда по корпусам разносили почту, Гавриил Абрамович вставал и надолго уходил с пляжа.

Уходил как-то виновато, и Валентина Алексеевна смотрела вслед мужу большими грустными глазами: он шел работать, читать почту, звонить в Курган, отправлять телеграммы, и с этим она ничего не могла поделать. Под зонтом оставались книги — сборник перепечатанных переводов трудов зарубежных ученых ортопедов и травматологов и стихи Расула Гамзатова. Теплый ветер лениво перебирал их страницы.

Телеграмм поступало много. Одни извещали, что в клинике все хорошо, что сборник ученых записок подготовлен и сдан в печать, что программа предстоящего в Кургане научного симпозиума врачей-ортопедов утверждена министерством. Другие просили о помощи: снова затягивается строительство травматологического отделения городской больницы, которое решено отдать институту; не ладится с выпуском аппаратов на Гудермесском заводе. И еще множество других «больных» вопросов, которые требовали его немедленного вмешательства и поддержки.

Илизаров вмешивался немедленно — звонил, слал телеграммы и писал письма — в Курган, в Министерство здравоохранения СССР и РСФСР, в Ленинград — в головной институт травматологии и ортопедии имени Р. Вредена, филиалом которого был курганский. Также незамедлительно отвечал на телеграммы и письма бывших пациентов и больных, стремящихся попасть к нему на лечение. Письма находили его и здесь.

Возвращался Гавриил Абрамович к морю разгоряченный и сразу бросался в воду, рассекал волны, словно продолжал спорить с невидимыми оппонентами. Он уплывал далеко, купальная синяя шапочка совсем скрывалась из виду. Валентина Алексеевна ходила со Светланкой по берегу, ожидая и всматриваясь, не покажется ли в солнечных брызгах синяя шапочка.

Однажды Гавриил Абрамович не появлялся дольше обычного, и Валентина Алексеевна, всегда сдержанная и спокойная, волнуясь, направилась было вверх по лестнице, где в белой

легкой веранде дежурили врач и осводовцы. Но, увидев мчавшийся к маленькому причалу спасательный катер, остановилась: на катере был муж и милиционер.

— Ну, что, убедились?! — смеялся Гавриил Абрамович, продолжая спор на причале. — Я же говорил вам, что уже три дня как здесь нет щита с надписью о запретной для купания зоне. Раз нет, значит, купаться можно?

Милиционер только развел руками.

— Но вы же говорите, что видели такой щит и знали о запрете!

— Я-то видел, потому и не купался раньше. А те отдыхающие, которые приехали вчера, сегодня, откуда они знают?

— Саша, не спорь, прав товарищ! — крикнул молоденькому милиционеру старый моторист. — А вы, товарищ доктор, понапрасну не рискуйте и далеко не заплывайте. А если захочется далеко в море, скажите, мы завсегда подстрахуем.

— Спасибо, спасибо! — поблагодарил нарушитель и только сейчас заметил жену. Обрадовался и стал рассказывать, что с ним случилось.

— Ой, Валя, легко отделался. Сигналят, а я не слышу, плыву и плыву, Догнали. «Ваши документы?» — спрашивают. «Какие документы в море? Одни плавки только да шапочка». — «Ах, шутите?! Как ваша фамилия?» — «Илизаров моя фамилия, из Кургана». — «Не шутите?! Сам доктор Илизаров? Садитесь, дорогой человек, садитесь, мы вас мигом до берега домчим».

— А как насчет сопровождения милиционера? — не удержалась Валентина Алексеевна.

— Да, да, — спохватился Гавриил Абрамович, что упустил из приключения такую немаловажную деталь, как встречу с милиционером. — Он тоже там был, на катере. «Вот, — говорит, — вы мне и попались. Штраф придется заплатить, хоть и знаменитость». — «За что штраф?!» — удивляюсь. «За купание и ныряния в запрещенном месте. Видели, там предупреждение есть?» — «Было предупреждение, а его уже три дня как сняли, значит, можно». — «Нет, нельзя».

— Вот и убедились сейчас, — засмеялся Гавриил Абрамович.

Они молча шли по берегу, по крупной гальке, на которую было непривычно и больно ступать босыми ногами.

— Понимаешь, Валя, — он тронул за руку жену, — даже в такой незначительной ситуации велика сила инерции, какова же она в нашем деле…

— Ты о чем, Гавриил? — не сразу поняла жена.

— Об инерции устоявшегося взгляда на старые вещи. Разве не показательно? Щит в запретном для купания месте стоял, быть

может, не один месяц, и все привыкли, что щит есть. А его уже нет, то ли смыло волной, то ли убрал кто-то, а по инерции продолжает действовать старое мнение, будто он есть. Вывод? Всякая новая мысль, каждое новое дело, если оно стоящее, должно преодолеть инерционную силу старого.

До конца отпуска Илизаров не продержался на берегу. Оставалось дней десять санаторного отдыха, а он с семьей уже ехал в Москву — доказывать, что по масштабам научных исследований и проблематике они давно переросли возможности филиала и пора открывать в Кургане самостоятельный научно-исследовательский институт с совершенно четким сложившимся направлением — чрескостным компрессионно-дистракционным остеосинтезом — первый институт такого профиля в нашей стране и в мире.

Такой короткой была встреча с морем.

КУРГАНСКИЙ ХИРУРГ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН МИЛАНА

„Сибирский маг“ покоряет Европу

Когда в мировой печати появилось сообщение о том, что советский хирург Илизаров при лечении травматологических и ортопедических заболеваний достиг без операции трансплантации кости удлинения конечностей, директор Института клинической ортопедии и травматологии при Римском университете профессор Джорджио Монтичелли не поверил: «Абсурд! Такого не может быть!»

Он выразил неудовольствие по поводу «ошибки», допущенной журналистами, как ему думалось, и написал сочувственное письмо советскому коллеге:

> «…Краткое сообщение АПН об аппарате доктора Илизарова, которым он пользуется около 20 лет при переломах голени, свидетельствует о его высоком качестве. Могу сказать, что долгие годы во всем мире постоянно изыскивается возможность ограничить использование гипсовой повязки. Я согласен с тем, что наличие нагрузки способствует остеогенезу, но вместе с тем большая ранняя нагрузка пагубна. Возможность удлинения на 24 сантиметра без операции трансплантации кости настолько абсурдна, что можно подумать, что АПН исказило добрые намерения моего русского коллеги?»

Нет, журналисты не погрешили против истины. И доктор Илизаров пишет итальянскому профессору по поводу возникшего недоверия:

> «Профессор Монтичелли сомневается относительно удлинения кости на 21—24 сантиметра лишь только по причине незнания наших методов лечения. Результатом открытого нами метода является определение новых закономерностей, регулирующих костеобразование. Мы можем удлинять кость, а также изменять форму ее и плотность, устранять дефекты кости бескровным способом. Часто достигнутые нами результаты

вследствие их необычности не соответствуют существующим представлениям. Поэтому нам понятно удивление профессора Монтичелли».

Так ответил советский ученый итальянскому профессору и пригласил его ознакомиться с учеными трудами курганского института.

— Приезжайте, посмотрите, как мы лечим.

Прошло семь лет. С помощью разработанных Илизаровым методов лечения в Кургане добились удлинения кости до пятидесяти двух сантиметров. А профессор Монтичелли и его ассистент доктор Спинелли, все еще сомневаясь в возможном, проводили долгие эксперименты, чтобы убедиться в реальности нового метода и применения его в клинической практике. Из Италии в Россию снова приходит письмо. Но теперь со словами признания:

«Я получил возможность постоянно говорить о Вашем методе и в разговорах ссылаться на Вас как на специалиста, впервые разработавшего метод.

Я желал бы, если Вы сочтете это возможным, направить к Вам моего ассистента доктора Спинелли. Я надеюсь, дорогой профессор Илизаров, что мой ассистент сможет приехать к Вам, и это послужит началом крепкой дружбы между нами лично и нашими учреждениями на почве научного сотрудничества, к которому стремятся оба наши государства».

Доктор Ренато Спинелли из Первой ортопедической клиники Римского университета получил от Итальянского общества травматологической ортопедии стипендию и приехал в Курган изучить опыт удлинения конечностей.

Полтора с лишним месяца провел он рядом с Илизаровым и его коллегами — в операционной, в лабораториях и отделениях института.

Ему интересно все и многое, очень многое непривычно и непонятно. Да, он читал, он слышал о щедрости советских людей, о бескорыстии и доброте, веселом нраве. И все равно непонятно, необъяснимо, почему у них нет от него секретов? Почему они не таятся друг от друга? Разве они не конкуренты в своем деле? Так просто отдавать капитал?

Будто золотые монеты в копилку кладет доктор Спинелли советы и рекомендаций в многочисленные свои записные книжки. А на прощанье говорит:

— Когда я вернусь в Италию, я расскажу на ортопедическом

конгрессе все, что видел. И я уверен, что когда врачи детально ознакомятся с методикой Илизарова, они смогут применять ее в широких масштабах и с большой пользой еще и потому, что эти методы бескровные и простые в применении.

К сожалению, случилось так, что доктор Спинелли не сдержал слово. То ли были тому виной какие-то особые обстоятельства, то ли, как у нас говорится, бес попутал, только выдал он по возвращении труды советского ученого за свои собственные и профессора Монтичелли.

Но обман раскрылся скоро: не один доктор Спинелли собирался рассказать правду о чудодейственной силе аппарата Илизарова. Ее мигом разнесли и умножили самые лучшие глашатаи — пациенты курганской клиники.

Это и юный Микель Мерола, родившийся с укороченной левой рукой и вновь «рожденный в Сибири» с одинаковыми по длине и форме руками. И девочка Наташа Рогаи, от которой, как безнадежно больной, отказались известные специалисты Европы и Америки. И страдающий карликовым ростом, но уже заметно подросший малыш, любимец детей и взрослых Роберто Бьянки. И конечно же, Карло Маури. Вот что он скажет.

— Мне пятьдесят лет, и я мог бы и дальше жить с хромой и искривленной ногой, с «конской стопой» и варусом. Но я приехал в Курган потому, что поверил доктору Илизарову. Меня привела сюда не только моя собственная болезнь, а еще и желание быть примером для итальянских врачей в освоении новых методов лечения. Политическая напряженность в мире воздвигает стены между людьми и государствами. Я глубоко убежден, что метод Илизарова тоже способен разрушать преграды к взаимопониманию и дружбе.

В конце апреля Карло Маури сделали операцию. Она была сложная, потому что в один прием была удлинена большая берцовая кость и выправлена нога, поставлена в нормальное положение стопа и выпрямлены ее скрюченные пальцы. Живи Карло в нашей стране, операцию ему сделали бы постепенно, в несколько этапов. Но у него было всего четыре месяца, свободных от контрактов.

Он уезжал из Кургана с таким чувством, будто прожил в этом городе среди советских людей целую жизнь. В Москве, в АПН, ему задают традиционный вопрос о планах как журналиста и путешественника.

— Впервые за двадцать лет я купил в Кургане обычные ботинки. Это грандиозно! — восклицает Карло. — Двадцать лет мне приходилось с трудом заказывать и носить ортопедическую обувь. Я еще не очень привык наступать на вылеченную,

нормальной теперь длины ногу, но могу уверенно сказать — мое путешествие уже началось. И начал я его окрыленный увиденным в Кургане, заряженный энергией и желанием к новым путешествиям, к работе.

В первой же своей статье в крупнейшем итальянском журнале «Доменика делла коррьере» он рассказывает о советском профессоре Илизарове и достижениях руководимого им института. Тысячи писем пришли в редакцию журнала и автору статьи с просьбой подробнее рассказать о методах сибирского «Микеланджело ортопедии», как образно назвал его Карло Маури. Страдающие и нуждающиеся в лечении люди спрашивали, как добраться до Кургана и попасть в клинику доктора Илизарова.

Так итальянский путешественник, которому приходилось бывать проводником в горах, прокладывать не изведанные ранее дороги, стал первооткрывателем пути за Урал для своих соотечественников, для матерей Микеля Меролы и Роберта Бьянки, которые добились разрешения на лечение в Советском Союзе. В сердцах больных людей он поселил надежду на исцеление.

Летом 1981 года Гавриил Абрамович получил приглашение в Италию на конгресс западноевропейской ассоциации ортопедов-травматологов, организации довольно авторитетной в медицинском мире.

Принимали «сибирского мага», как называли гостя итальянские газеты, очень любезно. Профессор Монтичелли и его ассистент доктор Спинелли чувствовали себя не совсем ловко, подчеркнутой любезностью искупая вину за попытку приписать себе заслуги советского ученого. Кажется, они даже радовались, что попытка сорвалась и обман был быстро разоблачен. Гавриил Абрамович старался этого не замечать. Он еще раз убедился, что советская ортопедия и травматология занимают лидирующее положение. По меньшей мере, на три десятилетия отстали в своих поисках и результатах западные ортопеды-травматологи. Именно поэтому он предложил устроителям конгресса вместо запланированного одного двадцатиминутного выступления три доклада и не менее часа каждый.

— Стоило ли ехать в такую даль, чтобы ничего не сказать? — спросил Илизаров. — Нам есть о чем рассказать и чем поделиться.

С ним согласились и не обманулись. Триумфом советской медицины прозвучали с трибуны конгресса эти доклады. Видные ученые ФРГ, Швейцарии, других европейских стран отмечали достижения советского хирурга и ученого как выдающиеся. Ассистировала доктору Илизарову высокая смуглая девушка, его

младшая дочь Светлана, студентка Челябинского медицинского института.

Рим, Венеция, Флоренция, Милан… Встречи с коллегами, с бывшими пациентами и больными, с простыми людьми. Милан считается общепризнанной ортопедической столицей Италии, и Милан вручает советскому доктору в знак признания его заслуг диплом почетного гражданина города.

На встрече с рабочими одного из предприятий, имеющего деловые связи с АО (ассоциацией ортопедов-травматологов), Гавриил Абрамович передает привет от рабочих Страны Советов, и в ответ гремит долго не смолкающая овация. Здесь же участники встречи принимают решение вручить гостю как представителю русских рабочих почетную награду предприятия — золотую медаль за многолетний безупречный труд.

Не в оправдание награды, а потому что не может иначе советский человек, Гавриил Абрамович помогает итальянцам, консультирует больных в коммуне Руфина, в гостинице, везде, где к нему обращаются за помощью, оперирует в городе Лекко.

— Девочка из бедной семьи, — предупреждают советского профессора. — Они не смогут заплатить!

— Советские врачи оперируют без гонораров, — отвечает он.

На консультации к «сибирскому магу» приезжают даже из Парижа. Фотографии его на страницах газет. Прекрасна Италия, а ему хочется домой, скорее домой. Там много работы и есть новые задумки, там его очень ждут. Через день ему исполнится 60 лет. Время итогов. Он нервничает, потому что не любит юбилеев, пышных речей, суеты. Все это выбивает из обычного рабочего графика. Скорее домой!

— Гавриил Абрамович, — сообщают ему в Милане в советском консульстве, — сегодня и завтра самолеты не полетят, забастовка…

60-летие застает Илизарова в Италии. Здесь он узнает о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Сюда приходит поздравительная телеграмма Курганского обкома КПСС и облисполкома. В советском консульстве Илизарова тепло поздравили друзья, а артисты, гастролировавшие в Милане, устроили небольшой концерт. В честь юбиляра пела народная артистка СССР, ведущая певица Большого театра Ирина Архипова.

…Снова письмо из Италии. Из Лекко.

> «Уважаемый профессор Илизаров! К Вам обращается итальянская семья. Наш десятилетний сын страдает врожденным уродством… Для наилучшего результата и

для блага нашего сына мы готовы приехать в СССР».

Итальянские врачи, посетившие нашу страну в начале 1982 года с миссией сотрудничества, попросили включить в программу поездки город Курган — «столицу советской ортопедии и травматологии». Так, примерно, прозвучал перевод их темпераментной речи на русский язык.

КАРЛО МАУРИ УЕЗЖАЕТ КУРГАНЦЕМ

открыв для себя мир советских людей

В Зауралье цвела черемуха. Ее горьковатый тревожный запах носился в воздухе вместе с белыми лепестками. Было в нем что-то неодолимо зовущее. Карло Маури выходил из клиники во двор, садился на свежую траву под черемуховым кустом и закрывал глаза. Ему чудилось море, плеск волн, горы и клекот орлов в вышине. Когда он вернется к ним? Каким вернется?

Двадцать лет назад Маури, известный итальянский путешественник и один из лучших альпинистов мира, провалился в трещину на леднике Монблана.

Семь тяжелых операций, четыре года в больницах у себя на родине, в Швейцарии, Западной Германии. Лечение стоило безумно дорого, лучшие врачи делали все, что умели и знали и что было в их силах, а он оставался инвалидом. Последнее заключение как приговор:

— Карло, вы больше никогда не сможете ходить в горы.

Он и сам понимал это: одна нога так и осталась короче другой, стопа изуродована, постоянные, изматывающие весь организм боли. Инструктором горнолыжного спорта он быть уже не мог, хотя летом и продолжал работать проводником в горах. Но на пятерых детей этого заработка, увы, не хватало.

А горы оставались родными, и они принимали его даже такого — со складными костылями. Руки у него оставались сильными, и они умели вязать надежные узлы.

Он родился и вырос среди гор, в маленьком городке Лекко на севере Италии, покорил высочайшие пики всех континентов и побывал в самых неизведанных уголках планеты, прошел по маршруту своего знаменитого соотечественника Марко Поло.

Теперь ему предстояло победить самого себя. И когда известный норвежский ученый, исследователь и путешественник Тур Хейердал предложил отправиться в трансатлантическое плавание под парусом на тростниковой ладье, Карло не колебался ни минуты. Друзья пытались отговаривать, они знали, что он — сын гор, но не моря и даже плавать не умеет.

И вот он уже в третьем плавании после «Ра-1» и «Ра-2», один из членов интернационального экипажа «Тигриса». Ему поручена роль экспедиционного фотографа. И ему же предстояло

изощряться, как отмечал в записной книжке Тур Хейердал, в изобретении хитроумнейших найтовов и узлов всякий раз, когда рубке, книце или стойке рулевого мостика взбредет на ум исполнить твист. Кроме этого, Карло обязан был варить макароны и кантовать груз.

Со всеми обязанностями итальянец справлялся отлично и весело, с присущим ему темпераментом южанина, хотя и было Карло труднее, чем другим. Больная нога давала о себе знать все сильнее, от больших перегрузок и физического напряжения открылась старая язва, и с ногой становилось все хуже. Мужественный Карло стоически переносил боль, и никто из экипажа, кроме Юрия Сенкевича, не догадывался о его страданиях.

Для Маури врач из Москвы был первым русским человеком, которого он встретил в своей жизни. Три совместных плавания сделали их друзьями. Сенкевич как мог старался облегчить боль экспедиционному фотографу.

Лишь когда внезапные ветры понесли камышовую ладью на остров Файлака и на помощь путешественникам пришли моряки советского теплохода «Славск», Сенкевич сообщил по секрету Хейердалу, что необходимо воспользоваться случаем и сделать Карло перевязку в медчасти теплохода.

Они расставались через 144 дня труднейшего плавания на «Тигрисе». Непредвиденные обстоятельства, заход на военно-морскую базу в Джибути оборвали столь интересную экспедицию.

— Карло, я жду тебя в Москве, — Юрий Сенкевич садится рядом, и плечи их соприкасаются. — Ты приедешь, и мы полетим в Курган, к доктору Илизарову.

— В Курган, к доктору Илизарову, — повторяет по-английски Карло. — Полетим, Юра. А потом я буду прыгать, как Валерий Брумель!

Они оба смеются.

За шуткой Карло скрывает печаль. Трудно расставаться, особенно сейчас, когда так соблазнительно близка надежда на выздоровление. Так внезапно возникает перед потерпевшим кораблекрушение спасительная земля. И снова пропадает…

— Если бы не контракты! В них как в железных тисках! Ты понимаешь меня, Юрий?!

После долгих месяцев томительного ожидания Карло прибыл в Москву. Перед отъездом его уговаривали отказаться от «бредовой идеи», пугали Сибирью и медведями, снова предлагали лечиться в Швейцарии. А путь его уже лежал в Курган.

— А ты ведь не любишь, Карло, самолет? Может быть, за Урал пешком? Или на лошадях?

— Нет, нет, — пугался шутке добродушный и легковерный Карло, — скорее в Курган, скорее! Потом все посмотрим, потом пойдем пешком!

Нетерпение узнать, возможна ли вообще операция и принесет ли она облегчение, владело им сильнее всего. Он не мог представить, что где-то в глубине России, куда они летят сейчас, его ждет исцеление. Его много лет лечили лучшие врачи мира, но он по-прежнему болен.

— Так, так… Какую же цель ставите перед собой, товарищ Карло? — Доктор Илизаров смотрит на гостя. — Мы должны знать, что вы хотите. Ходить без помощи палки? Не хромать? Носить не ортопедическую, а нормальную обувь? Снова вернуться в горы? Или все это сразу хотите?

Пациент в смятении.

— Профессор, вы считаете возможной операцию? — голос Карло становится будто чужим. Прислоненная к креслу трость из вековой лиственницы — подарок сибиряков — от резкого движения руки падает на пол.

— Да, — откуда-то, словно издалека, глухо звучит голос сидящего рядом Гавриила Абрамовича. — Какая она будет, эта операция, еще не знаю. Надо думать. Время у нас с вами есть, а пока выполняйте ваши контракты, — и он смеется облегченно и заразительно и приглашает в кинозал.

На экране мелькали кадры документального фильма. Брумель на костылях, Брумель с аппаратом. Брумель учится ходить. Счастливый Брумель идет с Илизаровым по площади!

Карло впивается глазами в экран: вот так же идти — свободно, легко, не опираясь на палку. Будет ли это с ним?

Прошел еще год, и весной 1980-го Маури снова прилетел в Курган. Теперь он уже знал этот город и его людей. Он не знал русского языка, и никто здесь не мог говорить с ним по-итальянски, но он понимал все, и все понимали его.

Операцию сделали в последних числах апреля. Такой сложности операцию до него не делали никому. На третий день он уже ходил по палате и в коридоре, опираясь на костыли. Лечащий врач показал Карло, как самому регулировать силу растяжения спиц в аппарате.

Прилетела жена. Он встречал ее в аэропорту ранним утром, и она плакала, смеялась и снова плакала, настрадавшись за него и бог весть что передумав за длинную дорогу от Рима до Кургана. Их пригласили на городские торжества в честь 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

«До чего интересная штука жизнь», — думал Карло. Мог ли он предполагать, когда подростком помогал итальянским

партизанам, был связным и переносил оружие, что минет не один десяток лет, и он, став взрослым, встретится с русскими, принесшими миру освобождение от фашизма. И они, бывшие фронтовики, будут ободрять его: «Держись, Карло, где наша не пропадала!» И он, отвечая на сильные, теплые рукопожатия, вдруг почувствует себя своим среди них, и это светлое и радостное ощущение уже не исчезнет, останется с ним как великий дар нелегкой и счастливой его судьбы.

— Карло, Карло, — слышит он тихий, ласковый шепот, открывает глаза и не понимает, где он, что с ним? Одурманила, видно, белая черемуха.

Он очнулся совсем, и в тот же миг маленькие его друзья, товарищи по несчастью, мальчики и девочки из разных стран мира, бросились к нему с ликующими криками. Все они были с аппаратами на ногах или руках или пока на костылях — в ожидании скорых операций. С тех пор, как в клинике появился итальянский синеглазый путешественник, они неотступно следовали за ним повсюду.

А сегодня день был особенным: вечером Карло должен показывать свои фильмы, и они терпеливо ждали этого чуда. А чудо пряталось в круглых железных банках в большой спортивной сумке. Наконец Карло посмотрел на часы с красно-синим обручем циферблата — часы, специально изготовленные швейцарской фирмой для экспедиции «Тигриса», — и кивнул головой.

Мгновенно десятки детских рук вместе с ним подхватывают тяжелую сумку с кинопленками и торжественно несут ее в конференц-зал. А в зале уже нет свободных мест. Ученые и сотрудники института, пациенты клиники аплодисментами встречают живописную, возбужденную ожиданием чуда «киногруппу».

Гаснет свет, и снова плывет в океане хрупкая тростниковая ладья. Карло волнуется. В институте лечатся люди из разных стран, и он обращается к ним с простыми и очень понятными на всех языках словами. Ему, объездившему весь мир и много видевшему, хочется всем передать свою тревогу и свою любовь к людям.

— «Тигрис» — это вроде бы весь наш мир в миниатюре. Земля ведь тоже как одна большая лодка, на которой плывет в будущее человечество, и от нас самих зависит судьба нашего плавания.

Карло Маури улетал из Кургана на родину июльским воскресным днем. А накануне он попросил профессора Илизарова прийти с ним на площадь имени Владимира Ильича Ленина — центральную площадь города.

Аппарат с больной ноги сняли совсем недавно, но Карло уже

шел без трости, и ровная гладь площади, залитая щедрым утренним солнцем, казалась ему самой высокой вершиной, на которую он когда-либо поднимался.

Сильный и смелый человек, лишенный начисто всяких предрассудков, никогда не берущий в дорогу каких-либо талисманов и дерзко мечтающий о необыкновенных путешествиях, два года назад не осмеливался даже подумать, что он пройдет по этой площади без костылей и палки: сама мысль об этом представлялась ему фантастически нереальной.

С площади Карло снова едет в клинику, чтобы проститься, пожелать оставшимся выздоровления.

— Здесь, так много людей, которым я лично должен сказать спасибо. Многих я не запомнил по именам, но все они сделали для меня необыкновенно много. Сердце мое полно благодарности к руководителям области, ко всему персоналу института — ученым, врачам, сестрам и санитаркам, ко всем, с кем сводила меня судьба хотя бы на самый короткий миг.

Он помолчал, потом быстро взглянул на провожающих, словно решая, можно ли вслух сказать самые сокровенные, переполнявшие его чувства, и, решившись, торжественно, клятвенно произнес:

— Я возвращаюсь домой в Италию, оставляя в вашей стране второй дом, Курган. Я уезжаю от вас курганцем.

Красивое лицо Карло озарилось мягким светом сыновней благодарности к стране, граждане которой называют ее матерью.

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

лауреата Ленинской премии

В каком бы высоком звании — научном или служебном — ни был человек по профессии врач, он всегда остается врачом. Конечно, при условии, если это настоящий врач и настоящий человек.

Путь исследователя и экспериментатора Илизаров начинал в сельской больнице, в должности хирурга и главного врача.

Он продолжал его бортовым хирургом санитарной авиации и в любое время и в любую погоду летел по срочному вызову в маленьком, безбожно кувыркающемся самолетике. Случалось, мерз в зимнюю стужу и задыхался в летний зной, недосыпал, не успевал позавтракать или пообедать, но всегда помогал заболевшему человеку.

Заведовал травматологическим отделением областного госпиталя инвалидов Отечественной войны.

Сегодня Гавриил Абрамович возглавляет Курганский научно-исследовательский институт экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии. Его хорошо знают в нашей стране и за рубежом. Он — депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, делегат XXV и XXVI съездов партии, профессор, доктор медицинских наук, заслуженный врач и изобретатель РСФСР.

Такова его служебная, научная и общественная карьера. Но все эти годы он был и остается но самому высокому, человеческому званию — народным, «земским» врачом, всегда готовым прийти на помощь людям. И сердце его все так же болит болью и страданиями людей и радуется их счастьем выздоровления.

…Субботнее раннее утро 22 апреля 1978 года. День рождения Владимира Ильича Ленина и день коммунистического субботника — всенародные наши любимые праздники. Телефонный звонок в квартире Илизаровых не умолкает с шести часов утра: радио разнесло весть о присуждении ему Ленинской премии.

— Спасибо, спасибо! — благодарит за поздравления Гавриил Абрамович. — Конечно, не верится…

Он в радостном возбуждении: скорее, скорее в институт. Город встретил музыкой, и духовые оркестры сопровождали его по всей дороге — с красными бантами шли на праздник труда

курганцы — рабочие, строители, студенты, железнодорожники, служащие учреждений.

В вестибюле института людей немного, и Гавриил Абрамович облегченно вздыхает: кажется, еще не знают. Здоровается с дежурной нянечкой.

— Доброе утро! Полный порядок? Хорошо.

В дверях приемной останавливается удивленный: красные тюльпаны в руках людей, на столе, стульях, на окне — огромный кумачовый букет.

— Дорогой Гавриил Абрамович! — выходит вперед женщина. — Мы вас от души поздравляем, гордимся и радуемся. — Она хотела говорить что-то еще, но, видно, никак не могла найти необыкновенных и торжественных слов, поклонилась низко в пояс, по-русски, и аплодисменты закончили ее короткую и взволнованную речь.

А к главному входу института в это время подъезжали автобусы с участниками коммунистического субботника. Но прежде чем разойтись по строительной площадке строящегося корпуса, они собираются на короткий митинг. Члены бюро обкома партии поднимаются на импровизированную трибуну.

С приветственным словом обращается к Гавриилу Абрамовичу первый секретарь обкома партии Филипп Кириллович Князев. Он тепло и сердечно говорит о высокой оценке трудов доктора Илизарова — первого в Зауралье лауреата Ленинской премии, об огромном вкладе Гавриила Абрамовича в медицину, о подвиге его как ученого, врача, гражданина.

Не успев смолкнуть, с новой силой вспыхивают аплодисменты, звучат искренние слова благодарности, признательности, любви. Цветы, поздравительные телеграммы и снова цветы…

И каждый осознает в эти радостные для всех минуты, что присуждение Ленинской премии Гавриилу Абрамовичу за цикл работ по разработке нового метода лечения больных с повреждениями и заболеваниями опорно-двигательного аппарата, внедрению этого метода в широкую практику здравоохранения и созданию нового научно-практического направления в травматологии и ортопедии — это признание и утверждение его трудов перед всем миром.

После митинга начинается субботник. Все берут в руки лопаты, носилки и отправляются на стройплощадку новых корпусов института. Только дежурные врачи и сестры и Гавриил Абрамович возвращаются на свои рабочие места. Как в обычный субботний день доктор Илизаров надевает белый халат и начинает прием больных. Все так, как вчера, позавчера, месяц и

год назад, десятилетия…

Наука делает потрясающие открытия, медицина обогащается новыми методами диагностики и лечения, чудесными лечебными препаратами, совершеннейшей аппаратурой, и только вот так же стоят друг перед другом больной и врач, и первое, самое главное, кому должен верить больной — врачу.

Как-то я спросила:

— Гавриил Абрамович, что вы считаете главным в характере и деятельности врача?

— Душевность, внимание к больному.

— Душевность, внимание к больному у Гавриила Абрамовича на первом месте, — ответила Анна Майоровна Аранович, одна из учениц его и любимица маленьких пациентов клиники, когда я спросила, что ей кажется самым важным в характере Илизарова.

В разные годы и у разных людей интересовалась я, чем же их так привлекает знаменитый курганский доктор, чему учит, и все тот же ответ:

— Душевности и добру. Устремленности и ответственности.

Он бывает очень строгим, даже жестким по отношению к коллегам, не стесняется отчитать сотрудника за какие-то промашки, не подбирает мягких слов в принципиальном споре. Но вот перед ним больной, и сейчас врач не принадлежит никому, кроме него.

— Доктор, скажите, я буду ходить, как все?

Тоненькая девушка, почти подросток, смотрит большими глазами и ждет ответа — одного, единственного.

— Конечно, будешь, будешь, как все. Ходить, бегать, прыгать, кувыркаться, танцевать.

— Танцевать?!

— И танцевать будешь… Вальс.

Илизаров улыбается:

— Сейчас, говорят, вальс устарел…

И он снова засмеялся: удивительный апрельский день, солнечный, красочный, весь в радости, песнях и музыке.

Нет-нет да и нахлынут вдруг воспоминания.

Однажды в первые годы лечения с помощью аппарата произошел случай, дежурным врачом расцененный как нарушение больничного режима. Наверное, с точки зрения администраторской, тот врач был прав. А с позиции преимуществ применения нового метода?

Произошло вот что. Под новогодний праздник две девушки, ноги которых были в аппаратах, устроили в коридоре… танцы. Глядеть на них собрались из всех палат, и, когда примчался из ординаторской вызванный сестрой врач, он растерялся: больные

танцевали!

— Не отрицаю, — горячился на следующее утро на «пятиминутке» у главврача Илизаров, — нарушение больничного режима. Но зачем же наказывать, за что выговор людям, почувствовавшим себя здоровыми, полноценными физически? Признаюсь, — развел руками Илизаров, — я сам не ожидал такой надежности аппарата. Сегодня смотрел «танцоров», снимки показали отличные результаты, так что… прошу считать танцы рабочим моментом, испытанием аппаратов и методики, а также морального духа наших пациентов, — серьезно закончил Гавриил Абрамович.

Нередко курганскую клинику называют «веселой больницей», и название вполне себя оправдывает: гимнастика и спортивные игры обязательны для всех, концерты — по желанию и способностям, традиционные театрализованные детские праздники осени.

Но самое главное — в этой больнице нет уныния и печали. Оптимизм и жизнерадостность являются эликсиром выздоровления, что получше многих лекарств. Еще бы! Пациенты сами «лечат» себя под руководством и наблюдением врачей, ежедневно подкручивая гайки на стержнях аппарата, и этой несложной манипуляцией увеличивают растяжение образующейся костной мозоли на миллиметр в сутки. Процесс этот называется дистракцией. Вслед за дистракцией наступает время компрессии — сжатия образовавшейся костной мозоли.

Как мы просто сейчас говорим об этом, не будучи сведущими в вопросах медицины. А сколько же пришлось объяснять суть метода чрескостного остеосинтеза доктору Илизарову! И не кому-нибудь, а медикам, ученым.

— Удивляюсь, но не подражаю! — заключил одну из дискуссий по методу Илизарова один очень солидный ученый и крупный авторитет в медицине.

— Простите, но не кажется ли бурный процесс разрастания костной ткани искусственно создаваемой опухолью?! Неизвестно, до чего так дойдем! — это из последних оценок достижений доктора Илизарова, доказавшего возможность управлять при необходимости формообразовательными процессами костной ткани.

Что ответил на это доктор Илизаров?

— Есть основания считать, что наши разработки найдут свое применение в онкологии, нейрохирургии, ангиологии (учение о сосудах) и других отраслях медицины.

Так заявил он во всеуслышание на Всесоюзной научно-практической конференции по лечению ортопедо-

травматологических больных в стационаре и поликлинике методом чрескостного остеосинтеза, разработанным в Курганском НИИЭКОТ.

И СНОВА — БОЙ

Рост по заказу? Да!

Конференция проходила в Кургане в январе 1982 года. На нее пригласили 245 человек. Приехало в два раза больше: так велик интерес ученых и практических врачей к курганским методам лечения.

Заготовленных впрок тезисов докладов и выступлений для всех приехавших не хватило, и их стали срочно печатать дополнительно. В большом зале трудно найти свободное место. Даже этот, казалось бы, не особенно примечательный факт говорит о многом, хотя и не впервые проходят здесь столь представительные встречи ортопедов и травматологов страны.

Конференция в Кургане юбилейная. Исполнилось первое десятилетие институту и тридцать лет применения аппарата Илизарова. Время итогов, время плодов.

Может быть, поэтому чаще, чем когда-либо, обращается Гавриил Абрамович к последователям и единомышленникам и к тем, кто признает на словах новые методы лечения и не принимает на деле, кто явно дискредитирует имя и достижения ученого, нарушая элементарные условия применения аппарата — и таких немало.

— Оглянитесь, посмотрите на плоды своих трудов: какую пользу приносят они человеку, не навредили ли?

Он подводит итоги и смотрит на плоды своих трудов, своего института.

— Гавриил Абрамович, — спрашивает при встрече профессор В. Д. Дедова из Москвы, — чем обрадуете нас на этот раз, какой сюрприз приготовили? Мы от вас всегда ждем что-нибудь новенькое.

— Есть, есть сюрприз, — отвечает Илизаров и загадочно улыбается.

И вот он на трибуне. Доклад, рассчитанный по времени на полчаса, затягивается на полтора. Тема его «Компрессионно-дистракционный остеосинтез в современной травматологии и ортопедии и перспективы его развития».

Гавриил Абрамович неузнаваем: против своего обыкновения невыразительно бубнить, читая написанное, он в радостном, нетерпеливом возбуждении. Держится раскованно, легко жонглируя микрофоном, манипулятором света, массой карточек с тезисами, расшифровкой проектируемых на экран слайдов.

Зал не шелохнется, слушает на едином дыхании, будто единой рукой делает торопливые записи в блокноты. Только легкий щелчок автоматической смены слайдов в диапроекторе, да чей-нибудь еле сдерживаемый возглас восхищения.

Но главный сюрприз впереди, во второй день конференции. Нетерпение усиливается настолько, что президиум конференции, опасаясь, как бы не «перегорел» интерес, переносит доклад с послеобеденного времени по программе на утреннее заседание. Послушать его приходят члены бюро областного комитета партии.

Председательствующий объявляет:

— Возможности управления регенерационным и формообразовательным процессами в костной и мягких тканях.

Так называется доклад. Вот так курганский сюрприз!

Всего три года назад академик И. И. Артоболевский и создатель «биоруки» и протеза с биоэлектрическим управлением доктор наук А. Е. Кобринскии в книге для юношества «Знакомьтесь — роботы!» авторитетно заявили, что никто не знает, каков механизм, управляющий процессом постройки костной ткани и обеспечивающий нужные направления роста кости в местах поломки.

Какими же фантастическими темпами развивается наука, что так скоро недосягаемое становится известным и возможным.

Недавно на ВДНХ в Москве проходила выставка, посвященная развитию здравоохранения. В одном из ее залов стоял веселый зеленый человек из пенопласта. Он был очень похож на закованного в латы рыцаря в блестящих доспехах. Но стоило подойти поближе и присмотреться, как сразу обнаруживалось, что «доспехи» — аппараты Илизарова различных модификаций. Аппараты находились на каждом сегменте скелета, на каждой кости. Даже на черепе «рыцаря» смонтирован шлем.

Не шутки ради предстал такой экспонат на выставке. Он означал, что с помощью илизаровских методов лечения можно исправить самые тяжелые деформации — врожденные и возникшие в результате заболевания — рук и ног, позвоночника и стоп, возможно изменить формы и увеличить размеры узкого таза, помочь в замещении костей черепа и тел позвонков.

Об этом в конечном итоге и был доклад Гавриила Абрамовича во второй день конференции — о возможности управлять процессами восстановления костной и мягких тканей.

Участники конференции не ждали ничего подобного. В полной тишине Илизаров закончил доклад и стал собирать рассыпанные по трибуне карточки. Зал взорвался аплодисментами. Какие чувства выражали они? Восхищение?

Благодарность? Признательность?

Профессор Александр Васильевич Воронцов из Ленинграда, председательствующий на заседании, встал и, когда аплодисменты наконец смолкли, волнуясь, сказал:

— Товарищи! То, что мы видим и слышим, труды профессора Илизарова и возглавляемого им института — не явление, а эпоха в ортопедии и травматологии.

Снова вспыхнули аплодисменты. Гавриил Абрамович сидел в первом ряду и, казалось, не слышал ничего. Он вдруг почувствовал, что очень устал.

Устал не от нервного напряжения, не от работы, он устал от того, что на всех конференциях приходится слышать одну и ту же статистику: методом Илизарова вылечено столько-то и столько-то. Почему все еще некоторые ученые беспокоятся не о развитии проблем чрескостного остеосинтеза, а о том, как называть аппарат — аппаратом Илизарова или аппаратом с перекрещивающимися спицами? Что это? Стремление умалить значение открытия, когда уже сотни тысяч больных выздоровели? Этим ли надо заниматься настоящим ученым?

Объявили перерыв. Илизаров сразу оказался в плотном окружении участников конференции. Отвечал на вопросы, объяснял непонятное. А когда добрался до комнаты, где заседала комиссия по выработке рекомендаций, понял, что накал страстей здесь достиг предела.

Заместитель по науке Виктор Михайлович Дякин нервно закуривает сигарету:

— Давайте смотреть на вещи, как они существуют.

— Я и предлагаю записать в резолюции: «Созданное в Советском Союзе новое направление в ортопедии и травматологии не имеет аналогов в мировой практике», — стоит на своем профессор из Ленинграда.

— Вопрос весь в том, как сдвинуть дело в лучшую сторону. Для этого нам нужно выработать для координации научных исследований организационные формы.

— Вы правы, — едва закрыв за собой дверь, бросается в спор Илизаров, — но какие организационные формы? Проблемная комиссия на общественных началах? Скажите откровенно, какой из институтов способен сегодня вести фундаментальные исследования?

— Никто, кроме курганского! — профессор К. Г. Ниренбург из Кузбасса грохочет, как разбушевавшийся вулкан. — Давайте решать сейчас и не стесняться в формулировках.

— Что-то я не пойму, о чем речь? — подает голос дама, руководитель одного из научно-исследовательских институтов на

юге страны. На торжественном собрании в честь десятилетнего юбилея института два дня назад она вручала Гавриилу Абрамовичу сувенир — корабль под надутыми парусами и желала «Большому кораблю большого плавания», а сейчас и следа умиления не осталось на ее лице.

— А чего не понять-то? — живо откликается Ниренбург. — Раз уж не можем заниматься крупными исследованиями, не готовы, не оснащены, — будем служить филиалами!

— Вот чего вы хотите, Гавриил Абрамович, — уже взяв себя в руки и снова обретя сладкий голос, тянет дама.

— Мы для себя ничего не хотим! — Илизаров резок и еле сдерживается. — Необходимо расширять научные исследования во всех институтах… Немного толку науке и людям от того, что одни дублируют друг друга, а кто-то упорно изобретает велосипед.

— Не слишком ли? — гневно восклицает дама.

— Нет, — поворачивается к ней Илизаров, — если помните слова Ленина о том, что любое, даже фундаментальное открытие — веха, а не финиш на пути научного прогресса.

После долгих дебатов комиссия предложила конференции резолюцию просить Министерство здравоохранения о создании в Кургане головного института — центра ортопедии и травматологии.

Но удовлетворения на душе у курганских ученых не было. Спустя несколько дней после конференции поздним вечером в кабинете у Илизарова, где за длинным столом сидели его коллеги — заместители, руководители ведущих лабораторий, раздался телефонный звонок. Вызывала Москва.

— Да, да, Николай Тимофеевич, слушаю, — обрадовался Гавриил Абрамович и, прикрыв трубку рукой, весело известил: — Трубилин!

Все сгрудились Вокруг Илизарова, держа наготове бумаги: вдруг что потребуется.

— Наши предложения по проблемам и филиалам? Готовы, обдуманы. Завтра вылетать?! — У Гавриила Абрамовича неожиданно перехватило дыхание. — Так круто решаете, Николай Тимофеевич?

— А что, не готовы к бою? — спрашивали на другом конце провода. — Или родное министерство не понимает важности дела? Будьте готовы к докладу, захватите с собой иллюстрации и фильмы. До встречи завтра.

В трубке раздались короткие гудки, и Гавриил Абрамович, положив ее на рычаг, помолчал, поискал глазами пачку сигарет на столе и, не найдя, вздохнул:

— Вот, забыл даже, что курить бросил. Ну, так на чем мы остановились?

БУДЕТ СОЛНЕЧНЫЙ, СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

— так представляют свое выздоровление дети, которые болеют

Рассказывая о докторе Илизарове, невозможно поставить точку, но эта страница моего короткого и далеко не полного повествования все-таки последняя.

Как-то однажды я пришла в школу «веселой больницы». По настоянию Гавриила Абрамовича создана такая школа в клинике для пациентов детского и подросткового отделений. С настоящими маленькими классами, настоящими уроками и, конечно, с добрыми и строгими учителями.

У ребят в этот день было сочинение на свободную тему. Учительница посмотрела на притихших учеников, на присыпанную сухим ноябрьским снегом землю за окном и ласково улыбнулась:

— Давайте помечтаем, кем вы будете, когда поправитесь.

Дети взяли тетради и ручки.

> «Я хочу стать врачом. Может быть, потому, что с самого детства лежу в разных больницах. Раньше я не верила, что меня смогут вылечить. Теперь больная нога короче всего на четыре сантиметра, и я скоро буду ходить, как мои здоровые подружки», —

написала Тахира Мамедова.

> «Про волшебников я читала только в сказках. А Гавриил Абрамович — настоящий живой волшебник. Мне очень хочется походить на него. И сколько бы мне ни исполнилось лет, я всегда буду помнить Курган и благодарить врачей, которые сделали мне красивые ноги».

Света Колядина.

> «Учусь я хорошо и очень хочу скорее вылечиться. Мой идеал — Феликс Эдмундович Дзержинский, и после школы мечтаю поступить в юридический институт. Я закончу институт и приеду в Курган поблагодарить

врачей». —

Такими словами закончил сочинение Артур Безверхов.

«Я решила стать учительницей и уроки проводить, как наша Антонина Ивановна», —

призналась Лена Федяхина.

«Моя самая главная мечта — чтобы никогда не болели люди. Поэтому я хочу стать врачом».

Таня Романовская.
Один мальчик написал:

«Когда я буду совсем здоровый, будет солнечный, солнечный день. Я выйду сам на улицу и побегу быстро, быстро, и меня никто не сможет догнать. Гавриил Абрамович, мама, папа, сестренка Маринка, врачи и ребята из детского отделения будут мне махать руками».

Фамилию мальчик не написал. Наверное, очень торопился, потому что прозвенел звонок. А может быть, он хотел это сказать от имени всех мальчишек и девчонок, у которых болезнь отняла способность бегать. Но врачи возвращают им радость движения, и они ждут: скоро наступит их солнечный, солнечный день. Так и будет.